Смертельное искусство

НЕВООБРАЗИМАЯ ИСТОРИЯ ТХЭКВОНДО

АЛЕКС ГИЛЛИС

Алекс Гиллис

Смертельное искусство. Невообразимая история тхэквондо

«Издательские решения»

Гиллис А.

Смертельное искусство. Невообразимая история тхэквондо / А. Гиллис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-555239-6

Лидеры тхэквондо любят говорить, что оно старо как мир и берёт начало в веках. У них были причины для лжи. Тхэквондо появилось почти 60 лет назад благодаря корейским военным и захватило миллионы людей, но слишком часто скрывалась та горькая правда, что вела к взлету его популярности — секретная разведка, гангстеризм, диктаторы, ложь и убийства. «Смертельное искусство. Невообразимая история тхэквондо» уносит вас в мир сект, публичных домов, преступных синдикатов — всего того, что его породило.

ISBN 978-5-00-555239-6

© Гиллис А.
© Издательские решения

Содержание

Люди 6
Корейские имена 8
От переводчика 9
Вступление 11
1. Хоть десять тысяч противников встанут против него 19
2. Супердержава за каждой из сторон 24
3. Супернам 31
4. Тхэквондо получает имя в кисэн-хаусе 41
5. Выход дракона и не только 49
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Смертельное искусство Невообразимая история тхэквондо Алекс Гиллис

Владимир Пятков *Переводчик*
Игорь Ильинов *Редактор-корректор*
© Алекс Гиллис, 2022
© Владимир Пятков, перевод, 2022
ISBN 978-5-0055-5239-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Люди

Я люблю тхэквондо и боевые искусства в основном из-за ощущения силы и просветления, наступающего после того, как ты встречаешься лицом к лицу с грубой силой и преодолеваешь свой страх. Я начал писать «Смертельное искусство» в 2001 году, чтобы выяснить, каким образом тхэквондо, исторически вышедшее из мира насилия и коррупции, превратилось в сильнейшее и популярнейшее боевое искусство. После выхода в 2008 году первой книги почти тысяча читателей высказала мне своё мнение. В основном оно было позитивным. А для этого, второго издания, я дополнил каждую из глав и написал новые. Книга стала более компактной, лёгкой, с обилием новых имён, сцен и историй о храбрых лидерах боевых искусств, противостоявших диктаторам, хулиганам, ворам и мошенникам в тхэквондо.

Эта книга снабжена полным списком ссылок, поэтому пытливый читатель сможет узнать, из каких источников я черпал такие поражающие воображение истории. Хочу поблагодарить множество людей за рассказанную правду, особенно Ч. К. Чоя, Чоя Джун Хва, а также некоторых других мастеров и грандмастеров, таких как Боб Хардин, Джун Ри, Джо Кариати и Чой Джун Пё.Например, Джун Ри. Он участвовал в скандалах, связанных с насилием, шпионажем и сектой, финансировавшей многие мероприятия тхэквондо. Но несмотря на это, сориентировал меня в хронологии событий, относящихся к Киму Ун Ёну и тхэквондо 1960 – 1970-х годовЧой Джун Хва открыто говорил о произошедшем с 1980-го и по сей день. Бывший южнокорейский генерал Лим Сун Ха, друг генерала Чоя с 1940 года, рассказал мне о самом Чое и его стране периодов Второй мировой и Корейской войн. Работа историка Брюса Каминга пролила свет на роль тхэквондо в Северной и Южной Кореях. Грандмастера Нам Тэ Хи, Кон Ён Иль, и мой бывший инструктор Пак Чон Су с готовностью говорили о том, о чем другие грандмастера рассказывали неохотно. И, конечно же, благодарю вас – инструкторы боевых искусств, с кем я тренировался последние 35 лет моей жизни: Ён Ю Пон из федерации WTF (наверное, самая нелепая аббревиатура в истории спорта), Пак Чун Тэк, Фап Лу, Альфонсо Габбидон, Пак Чон Су и Ленни Ди'Вичиа. Ваши тренировки вдохновили меня написать первое издание этой книги. .[1]

Я никогда бы не закончил «Смертельное искусство» без моих друзей, обладателей чёрных поясов – Флойда Белле, Мартина Кроуфорда, Марка Териолта, Таурега Махди, Двэйна Като, Карена Чена. Поистине бесценна помощь всех, кто занимался тхэквондо со мной каждую субботу, без всякой политики и пустых бесед, что в сегодняшним мире становится всё более редким среди чёрных поясов. Рассказывают, что как-то один ученик позвонил известному грандмастеру Сону Док Сону, чтобы задать несколько вопросов, но Сон ответил:

– Не будет, никаких разговоров! У меня начинается тренировка! – И положил трубку.[2]

Мои занятия с Флойдом, Мартином, Марком и другими инструкторами, названными здесь, – полная противоположность того, что описано в этой книге. Множество раз я, закончив очередное трудное интервью или главу, стремился найти их в спортзале, чтобы больше тренироваться и меньше говорить.

За редакторскую работу и исследования в библиотеке Университета Торонто в разделе Юго-Восточной Азии и Кореи спасибо Хендрику Руббелингу, Томасу Куклински-Ри, Мануэлю Адогу, Лорен Линд, Марку Дикси, Сьюзен Фолкинс, Джейн Нган, Кэти Гар, Дайан Гиллис, Рене Сапп, Лори Джиллис и Хане Ким. Джон Кох был отличным переводчиком, предложившим множество идей. Благодарю также совет по делам искусств Онтарио за предоставленные

[1] Аббревиатура «WTF» – хорошо известна и широко распространена в просторечии английского языка и переводится как «какого черта?!» (What The Fuck). Пер.

[2] Интервью по электронной почте с Дакином Бердиком (январь 2002 г.).

гранты. Выражаю признательность Нэнси Форан, Крисси Калхун, Трою Каннингему, Майклу Холмсу, Дэвиду Карону, Джеку Дэвиду из ECW Press и моему агенту Хилари МакМахон.

©2008 Алекс Гиллис

Первоначально опубликовано на английском языке издательством ECW Press.

©2008 Alex Gillis

Originally published in English by ECW Press

Корейские имена

«Тае Квон До» обычно произносится как «тхэквондо», когда речь идёт об олимпийском виде спорта (развиваемом федерацией WTF). Однако традиционный вид (развиваемый ITF) принято писать «таэквон-до». Инструкторы разных школ, ответвлений и разновидностей стиля часто произносят и пишут «тае квон до» каждый по-своему. Поэтому я на протяжении всей книги буду писать «тае квон до», за исключением названий и цитат из документов. [3]

Что касается имён. Большинство корейцев имеют их три и обычно пишут сначала фамилию. Однако другие меняют порядок и написание. Если читать различные источники, то написание корейских имён кого-то может поставить в затруднительное положение. Например, «Ким Ун-Ён» может быть написан как «Ун-Ён Ким».

А еще у корейцев иногда дефис соединяет первое со вторым именем, начинающимся с буквы в нижнем регистре (Un-yong), а иногда в верхнем. В некоторых случаях дефис отсутствует (Un Yong и Un-Yong). При написании книги я решил использовать то, что использует сам этот человек, а также опираться на стандарт, где сначала пишется фамилия (Kim Un-yong).

Иной раз, чтобы специально запутать людей, корейские имена нарочно пишутся по-разному. Например, Un-yong может выглядеть как Un-young или как Woon-yong – и всё это будет правильно! Даже авторитетные источники по-разному пишут корейские имена. Я предоставил различные варианты в сносках, однако использовал только одну последовательность в книге. [4]

Когда это было возможно, я старался использовать стандарты написания для корейских слов МакКуна-Рейшауэра.

[3] В переводе книги я буду писать тхэквондо, – как это принято в России, с подачи Министерства спорта РФ. А корейские имена, – сообразно тому, как это принято в российских источниках: фамилия вначале, имя в конце. Например, Ким Ун Ён, Пак Джун Тэ, Чой Хон Хи, Чой Джун Хва, или Джун Ри. Аббревиатуры ITF, WTF, или GTF я буду писать латиницей, чтобы избежать недопонимания. Потому что и ИТФ, и МФТ означают «ITF», но в разных российских организациях. Пер.

[4] В книге, наряду со словом «тхэквондо», часто встречаются упоминания о южнокорейской организации «Korean CIA» (Корейское ЦРУ, или Национальное Агентство Разведки). В переводе я буду писать ЦРУК (Центральное Разведывательное Управление Кореи). Пер.

От переводчика

Добрый день, дорогой читатель!

Вы держите в руках книгу Алекса Гиллиса “Смертельное искусство. Невообразимая история тхэквондо”. Книга эта поистине уникальна – она изобилует фактами, историями и свидетельствами, основанными на интервью с инструкторами тхэквондо, мастерами и грандмастерами. Здесь представлены рассказы пионеров единоборства, людей, стоявших у истоков и на глазах которых совершалось чудо под названием ТХЭКВОНДО. С каждым годом их становится всё меньше и скоро не останется совсем. Людям, рождённым до 90-х годов прошлого века, посчастливилось знать таких легендарных личностей, как генерал Чой, грандмастер Пак Джун Тэ, Нам Тэ Хи, Джун Ри. Сегодня их уже нет, как нет и возможности записаться к ним на семинар, задать вопросы, сделать селфи и поговорить вечером в баре. Тем, кто родился в XXI веке, остаётся лишь слушать “рассказы бывалых”, и эти сочинения часто приукрашены и далеки от правды. Однако если вы не знаете истории совсем, вам сложно быть инструктором тхэквондо и в полной мере отождествлять себя с этим родом деятельности.

Моя основная работа, точнее, образ жизни – тренер тхэквондо. Я 30 лет тренирую, аттестовываю, пишу методическую литературу, готовлю спортсменов к соревнованиям, провожу мероприятия, а также при помощи других инструментов занимаюсь популяризацией единоборства. Кроме этого, я много лет изучал разные языки, и мою квалификацию в этой области подтверждает диплом переводчика.

Тхэквондо я начал заниматься в 1987 году. Мне невероятно повезло, потому что судьба подарила личное знакомство, общение и возможность тренироваться с теми, кто стоял у истоков этого боевого искусства. И вот как-то я прочитал на английском языке книгу канадского преподавателя университета, журналиста и инструктора тхэквондо Алекса Гиллиса, в которой он рассказывает истинную историю рождения и становления этого боевого искусства. Такого о тхэквондо еще никто не писал и такого тхэквондо еще не знала широкая читательская публика!

Находясь в командировке в Канаде, я сделал всё, чтобы встретиться с автором. Мы проговорили целый вечер, и в завершение разговора он подарил мне несколько экземпляров книги. Я понял, что она необходима российским читателям. Они ведь достойны большего, чем какие-то наборы фотографий и избитых фраз, коими до сих пор напичкано интернет-пространство об этом единоборстве. Тем более, что в книге Гиллиса тхэквондо представлено в совершенно неожиданном ракурсе, и происходившие события описаны их свидетелями и участниками.

Кого-то прочитанное удивит, а кого-то шокирует. Но прошу, не делайте скоропалительных выводов о морально-нравственных качествах героев. Ведь у них, как и во всём разнообразии жизни, есть тёмная и светлая стороны. К тому же такие масштабные исторические явления, как Корейская война, правление авторитарных президентов, движение за демократические перемены, а также участники этих эпизодов – крупные промышленные корпорации, политические партии и религиозные движения – слишком сложны, чтобы быть окрашенными только в белый или чёрный цвета. Да и знаковые личности генерала Чоя и Кима Ун Ёна, видные фигуры президентов стран или лидеров Международного олимпийского комитета тоже намного глубже, чтобы быть лишь «хорошими» или «плохими». Только прочитав книгу до конца, вы сможете сделать выводы и выразить своё к ней отношение.

Вместе с тем я хочу донести до некоторых читателей – наших российских руководителей от спорта, единоборств и, конечно же, тхэквондо, что ничто не вечно в этом мире. Какие бы вы на себя не навешивали звания и даны, как бы не жонглировали бюджетами ваших федераций, «всё пройдёт и это тоже» (с). Если вы были не чисты на руку – вас забудут раньше, чем вы

отойдёте в мир иной. Но если вы были настоящими мастерами и учителями – вас будут долго помнить и приводить в пример!

Там, в Канаде, я поделился с Алексом идеей перевести его труд на русский язык. В ответ получил тёплые слова, сказанные в кредит с надеждой, что справлюсь с работой. Если вы читаете этот текст, значит всё получилось.

Торонто, Канада, Double Tree Hotel, 28 июля 2012 года. Алекс Гиллис (слева) и я с подаренными книгами.

Вступление
Funny» или «Phony»? [5]

Всем известно, что тхэквондо – это про самооборону. Однако, если вы заглянете за глянцевый фасад его истории, то откроете для себя искусство смертельное и вместе с тем вдохновляющее. Лично для меня эти открытия начались 20 апреля 2001 года, в год Змеи по восточному календарю. В тот день я дожидался генералаЧоя Хон Хи, «отца» тхэквондо, в гостинице «Новотель», Торонто. Там проводился трёхдневный семинар для чёрных поясов. Тогда я был ещё наивен, уважал преклонный возраст и других основателей тхэквондо, включая человека по имени Ким Ун Ён. Собираясь на семинар, я чувствовал робость, отчасти потому, что Чой был Реальным Мастером. К тридцати трём годам он дослужился до звания генерал-майора Вооруженных сил Южной Кореи. И хотя он давно уже был далёк от службы, его до сих пор называли не иначе как «генерал». Для того, чтобы совершенствовать боевое искусство, развиваемое сейчас в каждой стране мира почти семидесяти миллионами последователей, и сам Генерал, и его люди жертвовали собой, своими семьями и своей карьерой.

Обрисую первый день семинара так, как если бы он проходил не в 2001 году, а только вчера. Я и ещё сотня чёрных поясов из США, Канады, Чили, Перу, Парагвая, Уругвая, Аргентины и Гондураса ждём в зале «Амстердам». Находясь среди людей, совершающих поклоны и говорящих шёпотом, чувствую себя словно в 1300 году во дворце династии Чосон. Я воображаю, будто вокруг меня древние воины, ожидающие приход правителя. И тёплые полы, как прежде, обогреваются старой традиционной системой скрытых воздуховодов, а корейские девушки-гейши готовы петь хвалу конфуцианским лидерам. Генерал и его люди сильно опаздывают. Он, его сын, мастера и грандмастера собрались в комнате наверху и спорили о том, кому всё-таки следует ассистировать по ходу семинара. Все эти люди из-за политики питали взаимную ненависть, они когда-то расстались и даже обещали убить друг друга. Сегодня же эти мастера и грандмастера знали одно – каждый из них по-своему в долгу перед Генералом, а планы на будущее важнее прошлых обид.

Немногие молодые люди в олимпийском тхэквондо знают о Генерале Чое, который больше, чем кто-либо, в этом боевом искусстве заслуживает звания Основатель. Другие же основатели, которых немало (а некоторые из них стоят в этом зале), уже много лет, как вычеркнули его имя.

Для Генерала слова «род» и «преданность» такие же важные, как для других людей «любовь» и «смерть». Он знал своё генеалогическое древо до восемнадцатого колена династии Чосон, когда в середине XV века король приказал предку Чоя перебраться в северную часть полуострова. Знатный военачальник должен был защищать несколько городов. Аристократия династии Чосон, правившая в течение пятисот лет, силой навязывала жителям Трёх корейских государств Пять священных заповедей. Было похоже, что Генерал и его люди словно вышли из этого времени. Они следовали пятой заповеди, гласящей: «Пусть Верность объединяет друзей». В то же время как бы пока отказавшись от других четырех: «Почитай своего Государя», «Почитай своего отца», «Почитай своего старшего брата» и «Назначай мужчине и женщине разные обязанности». [6]

Для постороннего человека, особенно «некорейца», трудно понять культуру и конфликты этих людей, конфликты, просуществовавшие десятилетия, а может, и века. Легенды эпохи Чосон были полны лидеров, обладавших божественной силой. И в течение пятидесяти

[5] «смешной» или «фальшивый»? пер.

[6] Камингс (2005), с. 61.

лет Генерал часто цитировал наставления, по-видимому, одного из них – поэта тех времён По-Она: «Я не стал бы служить новому господину, будь даже распят и сотню раз». [7]

Итак, мы ожидаем хорошего семинара и уж точно не ожидаем никаких распятий. Однако Генерал по-прежнему опаздывает, пол становится холодныма женщины вместо песен гейш упражняются, нанося удары в голову соперникам. Предполагается, что семинар станет последним в Канаде. Генералу уже больше восьмидесяти лет, и он решил собрать вместе своих бывших врагов и старых товарищей по оружию. Он одержим новой миссией, в которую очень трудно поверить – содействовать объединению Северной и Южной Корей через слияние тхэквондо ITF (Север) и тхэквондо WTF (Юг). Не мания величия ли это – желание подчинить себе всё тхэквондо? Ходят слухи, что он намерен встречаться с президентом олимпийского тхэквондо (WTF) Кимом Ун Ёном. Ким – давний враг Генерала. Но такой враг, с которым стоит вести переговоры, ибо одно лишь слово Кима стоит тысячи наших оглушительных криков. , [8]

Да, Чой – «генерал», но и Ким не кто иной, как «президент». Его нет в зале, но его незримое присутствие ощущается всем телом. В 60-х годах прошлого века он начинал свою карьеру шпионом в жестоком Центральном Разведывательном Управлении Кореи (ЦРУК). Эта спецслужба работала в одной из самых успешных диктатур в мире. В 1970-е он присвоил название «тхэквондо». В 1980-х ввёл новое боевое искусство в Олимпийские игры. А в 1990-е стал одним из могущественнейших коррумпированных лидеров в мировом спорте. Кажется, единственное, чего не суждено было достичь Киму, так это бессмертия. Но и в этом направлении он неусыпно трудится, помогая воссоединению Северной и Южной Корей, находящихся почти семьдесят лет в состоянии войны. Как видно, у них обоих были похожие цели, и обе страны до сих пор находятся в процессе переговоров. Часть плана Чоя и Кима состоит в том, чтобы осенью провести совместные мероприятия, и успеть прежде, чем обе страны успеют разрушить друг друга. [9]

Слухи, витающие в воздухе, расстраивают многих обладателей чёрных поясов. Предполагается, что тхэквондо должно быть вне политики и насилия. А инструкторы изрядно устали от шпионажа, бандитизма и обмана, которые всю дорогу преследуют их боевое искусство. Однако цель воссоединения Кореи сама по себе восхитительна, и если вы знаете культуру этих людей, искусство и их историю, – представляется вполне достижимой. Эти старейшины, новые Янгбаны – голубая кровь, высшая каста Кореи.

Принято считать, что тхэквондо зародилось 1300 лет назад. И основал его военачальник, занимавший в династии Силла чрезвычайно высокий пост. Этот человек был настолько знатен и велик, что люди почитали его, как бессмертного. Тем временем Чой ведёт себя так, будто это он занимает столь высокий пост, позволяя себе при этом оставаться щедрым, доступным и иногда смешным. Большинство из нас, присутствующих в этом зале, читали «Библию тхэквондо». Именно так Чой назвал своё учебное пособие. Большинство из нас тренировалось, пока кровь не начинала идти из носа. К тому же большинство из нас наивно полагало, что Генерал подобен Богу и находится на одной ступени с другими создателями боевых искусств XX века: японцами Гичином Фунакоши (каратэ), Дзигиро Кано (дзюдо), и Морихеем Уэсибой (айкидо). Многие тхэквондисты WTF ставят Кима Ун Ёна в этот пантеон. [10]

– Внимание! – командует кто-то.

Мы замолкаем. Входит Генерал, и мы кланяемся. Первый взгляд на него вызывает шок: маленький рост – 152 сантиметра и небольшой вес, примерно 45 килограммов. Несмотря на всю его политическую хитрость и грохот кулаков о стол, вокруг него всегда находились люди,

[7] Чой (1999), с. 525.

[8] Ким (2002), с. 5.

[9] Globe and Mail (19 сентября 2001 г.), с. A17.

[10] Чой (ок. 2000), т. 2, с. 90.

в открытую насмехавшиеся над ним. За свою жизнь он привык встречать более крупных противников. Очевидно, что генералы более сильные, а президенты – скорее более безжалостные.

Я сижу на ковре с другими чёрными поясами. Один из грандмастеров прикрепляет микрофон к рубашке Генерала. Вначале Чой представляет людей за главным столом, включая грандмастера Пака Чон Су, в зале которого я имею честь тренироваться. Пак не работал с Генералом уже более двадцати лет.

– Большинство из вас его не знают, – говорит Генерал. – Он один из моих самых любимых учеников. Поприветствуйте его!

Мы аплодируем, не замечая подвоха. Позже мне потребуются годы, чтобы усвоить одно странное правило, которое я обнаружил, изучая тхэквондо. Суть вот в чем: когда кто-то говорит что-то театральное по отношению к своему оппоненту, например, «он мой любимый ученик», то следует автоматически воспринимать это в противоположном смысле. Ну или близко к этому. Получается, что согласно такому правилу, Пак отнюдь не является «самым любимым» для Генерала. Однако сейчас они пытаются наладить отношения.

В конце 1970-х Генерал обвинил Пака в сотрудничестве с ЦРУК и похищении людей. Пак отрицал обвинение. Тогда он уже был известным мастером боевых искусств, представлявшим ITF в Канаде и Нидерландах, поэтому ему было странно слышать нечто подобное. С тех пор они больше не общались. [11]

Этих людей порой очень трудно понять. Сложно уловить, где правда, а где полуправда. Где граница между тем, что они говорят и что в действительности думают.

Пак Чон Су выполняет удар в прыжке. Фото любезно предоставлено Паком.

На семинаре в моей душе смешиваются противоречивые чувства, а стыд словно стелется по полу. Когда объявляют, что выступление демонстрационной команды Пака может начаться, никто не встаёт. Показательные выступления – обычная практика на этих семинарах, но Пак внезапно исчез. В зале находится как минимум двадцать его чёрных поясов, пара бывших чемпионов мира, но никто не поднимается. Некоторые из нас очень молоды, мы смущены и недоумеваем. Пак организовал этот семинар в честь Генерала, так почему он не подготовил демонстрационную команду?Мы скоро всё с вами узнаем.

Ответ тут кроется в его секретном методе обучения, не оставляющем учеников равнодушными. Это «старый подход», включающий удары палками по ногам, тренировку до рвоты и спарринг, когда вы уже истекаете кровью. Генерал подзывает одного американца из числа чёрных поясов Пака к главному столу и просит объяснить, как следует обучать нового ученика. Чёрный пояс начинает говорить, но Генерал сразу же его останавливает. Он указывает, что первое, чему нужно научить учеников, – это делать поклон. Очевидно, что чёрный пояс не сделал этого.

– Вот почему ваша школа не развивается! – ругает американца Чой. – Когда ученики не слушают и ленятся просто поклониться, как они могут подчиняться тренеру во время тяжёлых тренировок?! Остерегайтесь фальшивых инструкторов! – внезапно предупреждает Генерал.

Между тем Пак продолжал гулять по отелю, а семинар в подобной манере шёл дальше. В течение последних десятилетий, пока Чой с Паком не общались, большинство техник тхэквондо сильно изменилось. Кажется, что Генерал так расстроен нашей техникой, которая, по его мнению, нуждается в обновлении, что он то и дело хватается за голову с криком: «А-а-а!». Создаётся впечатление, что он наказывает нас за потерянные годы и предательство Пака. Однако и Чой, и его люди всё ещё решают, каким образом школа Пака может стать частью Международной федерации тхэквондо, и сколько это могло бы стоить. Большая часть конфликта связана именно с деньгами. Хотя большая часть критики Генерала относится к технике, отли-

[11] Интервью, Пак Чон Су, с 2001 по 2008 год.

чающей ITF от олимпийского тхэквондо и каратэ. Пака нет в зале, и он не слышит ни критики в свой адрес, ни возгласов Чоя: «А-а-а!»

Те из нас, кого пока не коснулась критика, неловко хихикают. Генерал же подобен злому и остроумному гению, но мы здесь, чтобы учиться. Поднимается девушка, чтобы показать другую технику и делает это неправильно.

– Ты женщина? – спрашивает Чой.

– Да, сэр! – отвечает она.

Генерал жестом показывает девушке сесть. Мы переглядываемся, будто спрашивая друг друга: «Да ладно! Он правда это сделал?» В этом боевом искусстве сексизм повсюду, и Чой один из первых считал, что мужчины и женщины, как говорится, должны иметь разные обязанности. Генерал движением руки подзывает молодого человека, чтобы тот встал и сделал нижний блок. По-видимому, кулак юноши на пару миллиметров оказался не там, где надо.

– Кто тебя учил? – спрашивает. Чой. Чёрный пояс называет имя тренера. – Знать не знаю, кто это, – говорит Генерал, – пойди к нему и потребуй назад свои деньги!

Мне искренне жаль парня. Тхэквондо и получение прибыли всегда находились в противоречии друг с другом, словно огонь и вода. Только на этом семинаре каждый из чёрных поясов заплатил от 250 до 410 долларов. Пак был организатором мероприятия. Я же предложил свою посильную помочь, поэтому видел, как всё происходило в первый день. В общем-то, с большинством чёрных поясов не было проблем, но несколько других просочилось в зал, не заплатив ни копейки. А вот 16 представителей Южной Америки были либо обмануты, либо просто соврали: они, дескать, думали, что семинар будет бесплатным. Более того, за три дня семинара не менее тысячи долларов бесследно пропали. Иногда такое происходит, когда деньги встречаются с боевыми искусствами, смешивается воинское и клоунское, традиции и фарс. Мой друг Мартин Кроуфорд как-то пошутил по такому поводу: «Тхэквондо иногда произносится «тэйк-май-до» (take my dough), как «возьми мои деньги».

Так или иначе, но деньги для нас – не самое страшное. Мало кто знает, что тхэквондо с момента своего появления было связано со шпионажем, терроризмом и бандитизмом. Многие мастера и грандмастера были причастны к этому. Генерал любил рассказывать, что он жертвовал учениками и даже собственными детьми, чтобы продвигать боевое искусство, хвастался тем, что отчасти уходит корнями в его мир. Он это назвал – «торнадо». [12]

Сегодня у Пака в отношении этого торнадо не самый лучший день. Генерал так часто повторял во время семинара слово «фальшиво» (phony), что спустя годы, когда я, бывало, говорил Паку, что он забавный (funny), тот останавливался и спрашивал:

– Что ты сказал?

– Я сказал, что ты забавный, твой комментарий смешной.

Он смотрел на меня, как тигр, оценивающий свою добычу.

– «Забавно» звучит как «фальшивый» (phony & funny), – спокойно отвечал он.

Смешной. Фальшивый. Если честно, я до этого и не подозревал, как похоже звучат эти слова. Кто-кто, но уж Пак-то точно не «фальшивый»! В боевом искусстве, где грандмастера появляются как грибы после дождя, он – настоящий первопроходец. Но тем не менее, я больше никогда ему не скажу, что он смешной.

[12] Чой (с. 2002), т. 2, сс. 241, 360. Кроме того, интервью с его детьми: Мён Коломвакос, Санни Чой и Чой Джун Хва.

***

В конференц-зале Генерал продолжает учить обладателя чёрного пояса из Южной Америки, как следует правильно блокировать.

– Всегда смотрите на своего противника, в чёрный шар (black ball), – втолковывает ему Чой.

– Глазное яблоко! (eyeball) – шёпотом поправляет его сын, стоящий в метре позади.

– Всегда смотри в глазное яблоко! – поправляется Генерал. Он улыбается и стучит своим крепким, мозолистым пальцем по лбу. – Я старею, но к счастью, у меня есть хороший сын.

Его сын, Мастер Джун Хва, опускает голову. Ему сорок шесть лет, он выше и крепче отца, и он ещё один «любимый ученик». Если вы понимаете, о чём я.

В том случае, когда всё пойдёт хорошо, он станет наследником Генерала. Они годами не могли найти общего языка, но сейчас и они пытаются.

Младший Чой обращается на публике к своему отцу не иначе как «генерал» или «сэр», и их жизнь наполнена тхэквондо. У них мало хороших личных воспоминаний. Вот одно из тех, что позже мне расскажет Чой Джун Хва, делясь своими детскими впечатлениями о Южной Корее. Он провёл много ночей, лёжа на полу позади отца, когда тот играл в покер с другими генералами. Мальчик вдыхал сигаретный дым, смешанный с запахом закусок, саке и «Джонни Уокера». Все генералы пили скотч. Джун Хва слышал голос отца, голоса мужчин и громкий смех.

– Пап, не проиграй! – шепнул Джун Хва, пытаясь не заснуть на полу.

– Я никогда не проигрываю! – ответил генерал. Он в действительности никогда не проигрывал, так как всегда знал результат любой азартной игры прежде, чем она начнется. И в этом было главное несчастье Джун Хва. [13]

– Учиться тхэквондо легко! – говорит Генерал в микрофон. – Вот почему оно распространяется по всему миру, подобно лесному пожару. Когда-нибудь оно будет и на Луне, и среди звезд!

Это первый день семинара, но Чой уже мечтает о бессмертии. Он с энтузиазмом встаёт на кулаки, энергично отжимается на костяшках. Мы аплодируем. Ему восемьдесят два года. Он говорит нам, чтобы мы читали книги, его книги, особенно «Моральный путеводитель», в котором он учит жить праведно и честно.

– Тхэквондо – это не только удары и пинки! – напоминает он нам, говоря о том, что тхэквондо – это прежде всего наука делать правильные вещи. Делать так, как всю свою жизнь пытается делает он сам, даже когда ему это не удаётся.

В тот день Чой оскорбил соорганизатора семинара Сона Мён Су и его учеников, обладателей чёрных поясов из Королевской Академии ТКД. И они покинули семинар.

***

Показательные выступления во второй день проходят лучше, чем в первый. Чёрный пояс, пятый дан в прыжке, с разворотом на 180 градусов, боковым ударом разбивает 4 доски. Кто-то объясняет, что тхэквондо – это единственное боевое искусство, в котором используется техника ударов с разворота. Затем с разбега в прыжке разбивается ещё одна доска на высоте более двух метров.

Однако Генерал вновь пребывает в плохом настроении. Помимо определения «фальшивый», Чоя до конца семинара «заклинивает» на фразе: «Его бы убили в бою». Как будто битва состоялась в соседнем кафе. Он часто использует слово «самоубийство» в качестве глагола.

– WTF – все самоубийцы! Они сами не знают, что делают! – величественно заявляет он.

Генерал ненавидит тхэквондо WTF – стиль, разрешённый на Олимпийских играх и стиль, которым управляет Ким Ун Ён – главный враг Чоя. Он также ненавидит каратэ, хотя на этой основе и создавал своё тхэквондо. В течение всего семинара он высмеивает оба этих боевых искусства. Генерал просит очередного обладателя чёрного пояса начать формальный комплекс под названием Той Гё (который Чой создал и назвал в честь неоконфуцианского учёного XVI века). Затем останавливает на втором движении, так называемом «печальном ударе пальцами» – ударе в пах, и просит повторить его. [14]

---

[13] Интервью, Чой Джун Хва (май и апрель 2003 г.).

[14] В течение пятидесяти лет Чой пытался скрыть факт происхождения тхэквондо от японского каратэ. Многие грандма-

– Почему ты убираешь руку после удара? – спрашивает Генерал.

Чёрный пояс объясняет, что он отрывает мошонку противника.

– Нет! – говорит Чой. – Это тебе ни каратэ и ни WTF!

Ошибка напоминает Генералу анекдот:

– Одна женщина говорит подруге: «Не женись на парне, изучающем WTF». «Почему?» – спрашивает вторая. «Потому что у него нет оружия».

Мы смеёмся, поскольку, видимо, в WTF слишком часто отрывают мошонки. Но по большей части мы смеёмся, потому, что за эти несколько минут Генерал не кастрирует нас.

– Я хочу, чтобы вы посмеялись, потому что вы слишком серьезны, – говорит он.

Генерал Чой защищается от ударов своего сына Чоя Джун Хва (справа) и Пака Чун Тэка, моего первого инструктора. Фото предоставлено Генералом Чоем.

В последний день семинара появляется Боб Уолл – легендарный боец, выигравший много чемпионатов каратэ и снявшийся в трёх фильмах Брюса Ли (каратист, которого в финале фильма «Остров Дракона» убивает Брюс Ли). Он появляется, чтобы ещё больше рассмешить нас: встаёт в передней части зала и продаёт телефонные и кредитные карты, интернет-услуги и разную сувенирную продукцию (открытки, брелоки, содержащие фотографии Генерала Чоя).

– Вы можете себе представить, сколько это будет стоить?! – вопрошает Уолл. – Цена сильно возрастает после смерти человека!

Он добавляет, что Генерал дал чёрный пояс девятый дан звезде Голливуда Чаку Норрису, у которого 182 школы. Норрис считает себя учеником Чоя, как и другие кинозвезды – Джеки Чан и Уэсли Снайпс. По заявлению Уолла, они являются обладателями специальных карт, накапливающих мили авиаперелётов. И мы, как и они, можем копить баллы.

– Вы могли бы полететь сюда бесплатно! – утверждает Уолл.

Как будто по сценарию, Чой встаёт и продолжает:

– Каждый должен принять участие в этой кампании. Вы должны рассказать о ней своим ученикам. Мы сделаем её лучшей в мире компанией, поддерживающей боевые искусства.

Пока Генерал Чой и Боб Уолл рекламировали услуги друг друга, помогающие бойцам всего мира избавляться от лишних денег, грандмастер из Монреаля Тран Трю Кван заснул прямо за главным столом. Может быть, Кван не нуждался в телефонных карточках. Или, может быть, он как и я, так же ошеломлён этими людьми, похожими на персонажей комиксов из прошлого века.

стера тхэквондо, в том числе пионеры тхэквондо, Нам Тэ Хи, Джун Ри и Сон Дук Сон признали это.

1. Хоть десять тысяч противников встанут против него

Шел 1938-й. Год Тигра по китайскому календарю. Эта история началась с игры в покер. Но, по сути, с того момента началась и вся история тхэквондо. Казалось, это был самый отвязный день в жизни молодого Чоя Хон Хи. Он жил в маленьком домике, в деревне Йонгвон, в Северной Корее, когда Япония рвала эту страну на части. Солнце династии Чосон катилось к закату. Но двадцатилетний Чой, полный бунтарских настроений, как и большинство корейцев, отказывался забыть своё прошлое. Он унаследовал от отца маленькие, острые глазки и подбородок, который держал горделиво поднятым вверх, что заставляло его выглядеть выше своих метра пятидесяти двух.

Чой готовился через два дня ехать в Японию, получать образование. Дома он оставлял супругу, на которой был женат чуть ли не с подросткового возраста, и дочь. В Стране восходящего солнца обычно притесняли корейцев, но ему было суждено получить прекрасное образование и первым в семье, окончить школу. Поездка была бы честью для Чоя, даже несмотря на то, что он должен был поменять своё корейское имя на японское. Ведь тогда правительство островного государства запрещало людям даже говорить по-корейски. [15] [16]

В тот вечер при свете керосиновой лампы мать дала ему денег. Она достала из кармана толстую пачку купюр и предупредила: «Прошу тебя, будь осторожен, не потеряй это!». Долгие годы мать много и тяжело работала. От заката до рассвета она продавала тофу и сшитую одежду, чтобы собрать достаточно денег. Женщина сложила купюры пополам и просунула их в потайной карман на поясе сына. Однако когда она пошла спать, Чой тайком выскользнул на улицу и направился прямиком в игорный дом, где резались в хватху – разновидность корейского покера. Чой с семи лет был азартен, курил и любил выпить. Он был игрок по натуре, как и его отец, который долго и успешно владел частной пивоварней. Отец избегал жену, двоих детей и самого Чоя ради кисэн – корейской гейши. По старой традиции династии Чосон жить с кисэн было обычным делом. Но, согласно той же традиции, мужчина не должен был отказываться от первой жены. [17]

Эта кисэн уже погубила не одного мужчину, и произвела сильное впечатление на мальчика. Он думал, что она была современнее и утончённее его матери. Когда кисэн стала мачехой Чоя, ему было шесть лет. В то время он впервые попробовал карты, табак и алкоголь. Она же увлекалась опиумом, ходила в местную таверну, готовила великолепную еду, пела песни и играла классическую корейскую музыку, которую в те годы исполняли кисэн. Наивный, упрямый и снисходительный, отец Чоя отдавал ей всё, что имел. И в конце концов проиграл столько денег, что был вынужден продать пивоварню. В те дни молодой Чой редко навещал мать, жившую на другом конце деревни в полной нищете. [18]

Однажды он попытался принести ей суп, но кисэн, догадавшись об этом, послала человека, чтобы тот выбил чашку из рук мальчишки. Чой чувствовал себя раздавленным, наблюдая как собаки лакают еду вперемешку с грязью. Он навсегда запомнит это чувство. Когда кисэн умрёт в возрасте тридцати восьми лет, а Чою будет десять, отец, по конфуцианской традиции,

---

[15] Детские браки были обычной практикой в этой части мира. Чой редко говорил о своей первой жене и дочери, не упоминал о них в первых двух томах своих мемуаров. Я взял интервью у его первой дочери Чой Сон Джок (30 мая 2003 года). Я также взял интервью у друга Чоя касательно периода 1940-х годов о семье Чоя: Лим (17 августа 2002 года).

[16] Фамилия Нишияма широко распространена в Японии. Имя найдено в судебных документах, датируемых 1945 годом – периодом Второй мировой войны. Его полное имя было Юсеки Нишияма, что означает «Храбрый камень Западной горы».

[17] Эта сцена взята из моих интервью с семьёй Чоя и подробностей из его мемуаров (с. 2000), т. 1, сс. 19—55, 34, 71—96, и т. 2, с. 469.

[18] Чой (ок. 2000), т.1, с. 26—28.

вернётся к своей первой жене. Его родители редко разговаривали друг с другом. И не отец, а мать, по большей части, поднимала сына на ноги. [19]

Чтобы поддержать семью, мальчик помогал на их небольшом участке земли, ухаживал за садом, кормил скотину и делал тофу. За это получал лишь побои от отца, удары которого были подобны молнии. Весь процесс приготовления тофу – замачивание, измельчение, отбивание и растягивание – был настолько увлекательным, что на всю оставшуюся жизнь Чой полюбил соевый творог, ибо он напоминал ему о матери. По традиции, отец должен был есть первым. Мать ставила на стол еду, в то время как вся семья ждала. Брат выглядывал через приоткрытую дверь, чтобы увидеть, оставит ли отец хоть немного от обеда. Но только вкусный запах попадал ему в нос.

Лишь Чою исполнилось двадцать, он бежал от всего этого сломя голову. В 1938 году, когда мать дала ему деньги и пошла спать, Чой исчез из дома. Он встретил нескольких друзей и Хо Хак Суна – местного борца.

Чою нравились посиделки за игрой в покер. Он был большим игроком и играл настолько хорошо, что без труда мог вычислить шулера. А при необходимости мухлевал и сам, но только не в тот день, так как за столом собрались большие профессионалы.

Игроки по очереди делали ставки, стуча о стол разноцветными картами. По ходу игры положение Чоя становилось всё более удручающим, и он подумал: «Это странно, что я не выигрываю». Но в надежде исправить положение, продолжал и продолжал играть. [20]

Некоторые из карт в хватху называются поэтично: Журавль или, например, Солнце. Однако Чою в те минуты было не до поэзии, и он, достав остатки денег, продолжал делать новые ставки. К сожалению, быстро проиграл всё, что дала ему мать, но убеждал всех продолжать игру. Рассвет был ещё далеко, и Чой сказал, что должен вернуть себе хотя бы часть потерянной суммы.

Наконец, Борец встал, чтобы идти, бросив при прощании:

– Цель игры в том, чтобы выиграть. Я уже достаточно долго ждал.

Чой хотел было наброситься на него. Но понял, что это будет выглядеть так, как если бы лиса прыгала на тигра. Он мог драться, ведь в пятнадцать, вместе с каллиграфией, изучал тэккион у своего учителя. Правда, сегодняшний соперник не оставлял ему никаких шансов. Когда они ещё сидели за столом, Чой недалеко от себя увидел толстую бутылку с чернилами. Интересно, представлял ли он заранее последующие несколько секунд: почерневшую в глазах комнату, Борца, кладущего его деньги в карман, свою руку, нащупывающую бутылку чернил, и то, как он посылает эту бутылку прямиком Борцу в лоб? Бутылка вдребезги! Бинго! [21]

Борец упал на спину, а кровь и чернила заливали его лицо. Пока другие сидели в оцепенении, Чой подошёл к поверженному, вытащил из кармана деньги, отсчитал из пачки те, что проиграл и вышел из комнаты. Никто не пытался остановить его. Все знали, что Борец будет за ним охотиться.

Чой Хон Хи на фото слева. Фото предоставлено Генералом Чоем.

Чой бежал домой и спрашивал себя: убил ли он человека? Столько крови! Что сделают его родители? Он, его брат и сестра всегда слушались отца, изучавшего труды Конфуция, и ещё до открытия пивоварни ставшего доктором китайской медицины. Их умы были так перегружены обязательствами, и традициями, а «домашнее» конфуцианство так искажено, что бабушка Чоя хранила свои отрезанные ногти, потому, что уважение к родителям означало уважение к каждой части своего тела.

---

[19] Интервью с Фап Лу. Чой Джун Хва тоже высказывал эту мысль.

[20] Все подробности игры в покер от Чоя (ок. 2000), с. 71.

[21] Инструктором был Хан Иль Дон. Он в течение года преподавал Чою, но о Хане не сохранилось никаких записей, и никто из практиковавших тхэккён никогда о нём не слышал. Подробнее о тхэккён в целом см. Хендрик (2014), Ён (1993), p. 53. Оуян (1997), p. 77.

Вместе с тем, неконфуцианские ценности, жившие в нём и его современниках, сочетали суеверия, интуицию, свободу, знания и страсть с пьянством. В Чое послушание благополучно уживалось с рисовым вином и гейшами, а драка после проигрыша в покер обещала большие проблемы его родителям. [22]

Возвращаясь домой после игры, думал ли он, что первой проблемой, для родителей было его рождение в 1918-м? Это был год Лошади, когда японское правительство арестовало, пытало и казнило 140 000 корейцев, подозреваемых в сопротивлении Японской империи. Чой родился тщедушным и, казалось, не проживёт долго. Его мать была из состоятельной семьи. Она ненавидела своего мужа и каждый раз после родов уходила от него, унося младенца в комфортный отцовский дом. Её отец же, относился к ней, как к прислуге, ибо дочери после вступления в брак не должны были возвращаться к своим родителям. Она переносила унижения ради своих восьмерых детей, лишь троим из которых суждено было пережить двухлетний возраст. Позже мать будет ворчать: «Лучшие умерли, а самый худший и слабый уцелел, чтобы стать для меня настоящей головной болью». В первые четыре года своей жизни Чой, самый младший, был самым слабым и низкорослым. В отчаянии мать каждую ночь тянула его за ноги, чтобы сделать выше. [23] [24]

Чой думал только об одном – жив ли Борец. Он так боялся родителей, что избегая собственного дома, полиции и всей деревни прошел шестнадцать километров до железнодорожной станции. Двадцать часов он ехал на поезде до порта Пусан, где пересел на судно, идущее в Киото. Тот день, казалось, символизировал всю его последующую жизнь, в которой он создавал проблемы, а затем бежал от них.

Спустя несколько месяцев после прибытия в Киото, Чой встретил земляка, рассказавшего, что Борец поправился и считает дни до возвращения обидчика. Чой чувствовал себя обречённым, и чтобы защититься, начал изучать карате шотокан. Это было японское боевое искусство, привезённое Гичином Фунакоши в 1922 году из Окинавы в Японию. Наблюдая за занятиями, Чой убедился в сокрушительности ударов, нацеленных в сердце, солнечное сплетение или другие жизненно важные точки. [25]

Начавшееся в 1938 году увлечение карате усилило в Чое ту черту, которую в странах Запада ассоциируют с японскими пилотами-камикадзе или же с самураями, жившими много лет назад. Чой назвал это качество Неукротимый Дух. «Идеальный ученик тхэквондо в любой ситуации будет скромен и честен. Когда же он столкнётся с несправедливостью, то будет действовать без малейшего колебания и страха, с Неукротимым Духом, независимо от того, кто этот противник и превосходит ли он числом». [26] [27]

Тем не менее Чой не занимался карате долго. Он действительно тренировался в Киото несколько лет, не забывая про Борца, и позже утверждал, что достиг уровня чёрного пояса второго дана. Эксперты же оспаривают это утверждение, говоря, что, согласно стандартам самого Фунакоши, никто не мог достичь второго дана за такой короткий срок. На самом же деле, за всю историю лишь один кореец – Вук Кук Ли достиг второго дана. Возможно, Чой и повысил самостоятельно свой уровень. Ведь он усердно бил деревянные доски, месил песок, чтобы набить кулаки, и тренировался так много, что пропустил свой первый год в школе. И это стало ещё одной причиной не возвращаться домой. [28]

---

[22] Как пишет Камингс (2005) на стр. 21—22: «Когда они [корейцы] говорят «я думаю»», они указывают на свою грудь. Ум – это разум и сердце или сим, внутреннее знание, которое соединяет мысль с эмоцией».

[23] Камингс (2005), с. 147.

[24] Чой (ок. 2000), с. 20.

[25] Фунакоши (1988), с. 26.

[26] Дрегер (1974), с. 12.

[27] Чой (1999), с. 14.

[28] Чой никогда не публиковал полное имя своего инструктора по каратэ и не говорил, чему он у него научился. Его глав-

Карате в Японии оказалось для Чоя полезным. Местные жители постоянно оскорбляли его самого и его корейских друзей: говорили, что они воняют чесноком, без причин нападали и относились как к слугам. Чой постоянно дрался. Японские хулиганы унижали корейцев многие десятилетия, как и сама Япония с 1894 года буквально растаптывала Корею. Одна из драк Чоя началась после того, как он заступился за друга, попросив двоих обидчиков перестать запугивать парня. Преследователи восприняли такое поведение как вызов и дождались смельчака после школы. Когда они подошли, он ударил одного из них в лицо. Шею упавшего Чой немедленно придавил ногой к земле, да так, что лишь деревянные сандалии поверженного, взмыли в воздух. Второй предпочел убежать. А Чой, отпустив побеждённого, был поражён силой и осознанием собственной власти.

Чой одинаково боялся Борца и своих родителей, поэтому оставался в Японии ещё четыре года, сказавшись больным. Он экономил деньги и посылал их матери. И вот, окончив среднюю школу в двадцать четыре года, наконец, почувствовал себя уверенным, чтобы встретиться лицом к лицу со своими страхами. Он вернулся в родную деревню, гордо неся новую швейную машину для матери. Это был 1942 год, середина Второй мировой войны. Япония орудовала в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но для Чоя, казалось, не было других проблем, кроме встречи с односельчанами и Борцом.

Вскоре, после возвращения Чоя в деревню, Борец случайно увидел его в сосновой роще неподалёку. Тот пинал ногами тонкие деревья и разбивал руками глиняную черепицу. Борец решил, что Чой был в приступе сумасшествия, ведь издалека это никак не походило ни на одно известное боевое искусство. Уже позже друг объяснил, что Чой был вполне нормален, просто занимался карате, способным убить с одного удара. В конце концов, Борец решил оставить «сумасшедшего» в покое. Вот так карлик победил своего противника без борьбы. Но с этого проблемы Чоя только начинались.

ный помощник на протяжении десятилетий Нам Тэ Хи редко видел, как Чой практиковал приемы боевых искусств. Интервью, Мадис (1 февраля 2011 г.). См. также статью Мадиса «Штурм крепости: история тхэквондо. Часть четвертая. Первые корейские школы: школы Maverick», опубликованную в 2012 году. Взято из Интернета в октябре 2015 года (www.fightingarts.com/reading/article.php?id=686). Мадис пишет: «По словам Геншина Хирониши, одного из лучших учеников Фунакоши в 1930-е и 1940-е годы (Такаги, 1989), даже выдающимся студентам требовалось два года регулярных тренировок, чтобы достичь звания шодана (яп.: „черный пояс первой степени“; кор.: чодан)».

2. Супердержава за каждой из сторон

Во время Второй мировой войны Чой морит себя голодом, чтобы избежать призыва, а когда это не удаётся, то избивает японского полицейского. Однако в 1943 году его и других 4300 корейских студентов всё равно забирают в состав Императорской армии Японии. Чоя отправляют в 30-ю дивизию, дислоцированную в Пхеньяне, на территории нынешней Северной Кореи. Непобедимая Япония в альянсе с нацистской Германией и фашистской Италией захватывали мир. Всего за шесть недель Япония уничтожила около 500 000 мирных жителей в прежней столице Китайской республики – Нанкине. Захватчики ставили медицинские опыты на заключённых в Маньчжурии. А в Бирме, Тайланде и Корее пленники умирали от тяжелой работы, сотни тысяч молодых женщин и девушек были отправлены в сексуальное рабство в качестве «женщин для утешения» японских солдат. [29] [30] [31]

Даже сегодня нешироко известен факт, что многие корейцы добровольно сражались на стороне японцев. Однако Чой был бунтарем, а потому в Пхеньяне присоединился к тайному плану мятежа и побега из расположения части. Позже план будет назван «Пхеньянский инцидент». [32]

В те тяжёлые дни Чой воровал корм у лошадей, а из-за пыток и смертей, невольным свидетелем которых он становился, начал постепенно терять рассудок. Несколько солдат в его части взбунтовались, но их заточили в военную тюрьму. Был случай, когда корейский заключённый Юм, чтобы выйти на свободу, стал притворяться сумасшедшим. Во время переклички он, голый, залез под самый потолок на балку, балансировал там, мочился вниз и кричал: «Эй, япошки, пейте!». Охранники схватили «чокнутого» и только через три дня вернули в камеру избитого и со следами пыток. Друзья предупреждали Юма больше не провоцировать охрану, но тот не слушал. Однажды он пропал. Только после войны друзья встретили его уже реально сумасшедшего, потерявшего рассудок от пыток. [33]

А ещё один сослуживец Чоя скрылся в пыли под половыми досками на пять дней. Затем пробрался на плац, где на сорок дней залёг в одну из стоявших здесь же корзин, накрытую соломой. Японские военные, ежедневно тренировавшиеся рядом, даже не подозревали, что он был внутри. Гражданские корейцы, владевшие этими корзинами и работавшие на японцев, скрытно кормили соотечественника. Но он, изнурённый страхом, видевший ад и рай, не раз умиравший и воскресавший, в конце концов, сошёл с ума и скончался от тифа. [34]

Чоя и ещё двадцать девять таких же бунтарей чуть было не постигла та же участь. Они надеялись победить в перестрелке с японцами и бежать, чтобы присоединиться к лидеру повстанцев Киму Ир Сэну. Человеку, который вскоре возглавит Северную Корею. Однако один корейский солдат, оказавшийся японским шпионом, донёс на Чоя и других лидеров заговора. В ноябре 1944 года их всех схватили. В день, когда арестовали Чоя, он планировал встретиться с людьми в одном местечке на плато Бу Джин. Его мать, не подозревавшая об аресте, пошла искать сына в зарослях кустарника на том плато. Она проделала пешком долгий путь до города, где кое-кто из знакомых ей сообщил, что видел Чоя неподалёку от заброшенной деревни. Женщина, несмотря на пронизывающий холод, нашла покинутое селение, где лишь двери скрипели

[29] Сон (дата неизвестна), с. 376—79.

[30] Подробности этой главы взяты у Чоя Хон Хи (ок. 2000), т. 1, с. 123—94.

[31] О (2001), стр. 3—19.

[32] Чой (с. 2001), т. 1, с. 130—38. Я получил исторические факты Сона (дата неизвестна), с. 2, интервью с Палмером (январь 2005 г.).

[33] Интервью, Лим (17 августа 2002 г.).

[34] Эта сомнительная история по словам солдата Чха (дата неизвестна), с. 30.

на ветру. А тем временем японцы выгнали отца Чоя в отдалённую шахтёрскую деревню, расположенную в горах. Так разрушились остатки семьи. [35]

Через несколько дней допросов японцы поместили Чоя в изолятор. Как-то он повернул голову, чтобы взглянуть на одного из друзей, но охранник тут же заорал: «Ублюдок!» и влепил ему сильную пощёчину. Так Чой учился всегда смотреть вперёд – вплоть до своей возможной казни.

В камере он и другие бунтари сидели тесно, словно булыжники в мостовой, а когда их выводили на воздух, стояли без движения при температуре ниже нуля в одном нательном белье.

Через какое-то время Чой притворился полностью раскаявшимся, и охранники позволили ему практиковать в камере карате, что помогло сохранить рассудок. Рука-копьё, нога-меч, прямой и боковой удары ногой, а также другие техники ударов руками и ногами весьма впечатлили японцев. Однако Чой был готов к новым испытаниям и даже смерти. Охранники переоборудовали одну из комнат в тренировочный зал и попросили тайно обучать их японскому боевому искусству – каратэ. Изо всех сил крича в этой комнате, Чой наслаждался боевыми искусствами. Как и раньше, благодаря технике каратэ, он достиг несоизмеримо большего, чем физическая сила.

Семь месяцев спустя суд вынес Чою приговор за нарушение закона о военной службе (дезертирстве). Его осудили на семь лет тюрьмы и перевезли отбывать наказание в Пхеньян, но он был счастлив, что избежал казни. Чой предположил, что жизнь теперь может измениться к лучшему. Да и тюрьма эта была больше, охранялась не японцами, а корейцами. [36]

Как только Чой прибыл на новое место, охранники ввели его в камеру. Он остановился в дверях, увидев троих заключенных. Один из них лежал с гнойной незаживающей раной в боку на чёрной от грязи простыне. Двое других выглядели искалеченными: их тазовые кости и плечи выпирали наружу, а тела были покрыты струпьями. Они прокажённые, подумал Чой. Стены камеры испещрены кровавыми следами от раздавленных вшей. Место для туалета воняло сильней, чем прокисшее саке, а постели – покрыты гноем и кусочками кожи других заключенных. Чой содрогнулся, и ему стало не по себе от мысли, что его могут даже ненадолго оставить здесь.

– Этих бродяг следовало бы давно прикончить! – сказал охранник-кореец. – Какая польза от того, чтобы переводить на них рис и бобы ещё семь лет?

Он повернул Чоя, а второй охранник-кореец пинком направил новичка в камеру.

Чой был в таком шоке, что даже заплакал. И на то были серьёзные причины, ведь он не знал, чем болели его сокамерники. Кто-то ему говорил, что струпья проказы очень заразны. Заключённые верили, что страдают из-за испорченных бобов, так как ничего другого им не давали. Но, конечно, это было от общей антисанитарии, царящей вокруг.

Если бы Чой не умер от заразы, он рисковал умереть от стыда за корейских охранников, усердно выслуживавшихся перед японцами. «Как могут корейцы быть такими же садистами, какими были японцы?!» – спрашивал он себя. В конце концов, это ещё не была Корейская война. Когда японцы в 1910 году напали на его страну, почти все, кто не относился к аристократии, отказались сотрудничать с захватчиками. Тем не менее к тридцатым годам японская оккупация имела корейское лицо. Корейцы окружили себя корейскими «женщинами для утешения», а японская полиция наполовину состояла из оккупированных корейцев. [37]

В 1945 году Чою в заключении открылся весь ужас вражеского завоевания. И хоть он поклялся драться за свободу и поднять Корею с колен, его тело было отравлено тюремной заразой.

---

[35] Чой (ок. 2000), т. 1, с. 148—50.

[36] Военный суд Пхеньяна (1945), с. 2.

[37] Камингс (2005), с. 178—79.

***

В один из летних дней корейский охранник мистер Ким проходил с ведром холодной воды. Он расплёскивал воду, чем дразнил заключенных. Ким – это популярное корейское имя. Оно означает «золото». Это имя всю жизнь и до самой смерти преследовало Чоя.

Охранники редко давали заключённым напиться вдоволь, и расплёскивающаяся вода из ведра Кима была настоящим мучением. Как и все узники, Чой страдал кожными заболеваниями. Каждый день носилки с трупами проплывали мимо их камеры.

– Эй, воды надо? – громко вопросил Ким, остановившись у камеры Чоя. – Пусть это будет приз! Я дам немного воды той камере, где окажется самый лучший певец. Как вам предложение?

Никто из сокамерников Чоя не хотел петь. У них не было ни сил, ни таланта. Да и предложение выглядело унизительно. Несмотря на свое отчаянное положение, Чой встал и запел популярную корейскую национальную мелодию. Ким дал ему и другим сидельцам в камере кружку пресной воды.

На фото: Чой Хон Хи (пятый слева и в третьем ряду от ближнего края) вплоть до начала Второй мировой войны проходил обучение в Японии. Как и многим другим корейцам, ему пришлось использовать японское имя – Юсеки Нишияма. Фото предоставлено Генералом Чоем.

– Пой другую песню! – приказал охранник. – Я дам больше воды!

Чой начал другую песню. Вдруг ещё один корейский надзиратель с заднего двора прокричал по-японски:

– Кто это был?

Он, словно разъяренный тигр, распахнул дверь и ворвался в камеру Чоя, заорав:

– Кто пел сейчас?

– Это я, – ответил Чой и поднял руку.

Охранник наотмашь ударил Чоя и поочередно каждого из его сокамерников. Затем туго затянул за спиной «певца» наручники. Чой негодовал: почему один охранник позволяет петь, а другой заставляет молчать?!

Позже боль от наручников подавила злость, но его руки онемели. Он попытался лечь на бок, но правая рука, казалось, была вывихнута. Когда Чой лёг лицом вниз, его подбородок упёрся в пол. Узник был слишком слаб, чтобы искать удобное положение для сна или встать на ноги. Поэтому кое-как приподнявшись, прислонился спиной к холодной стене да так и просидел всю ночь.

Когда утром принесли завтрак, его мутило от голода, но он притворился, что не хочет есть. Сокамерники быстро умяли невостребованную порцию. Обед он также проигнорировал. Товарищи по камере просили его есть, но Чой решил умереть. Во Вторую мировую войну многие люди подвергались пыткам, голодали и теряли рассудок в японских тюрьмах. Некоторые из них, устав бороться, просто сдавались на волю случая. Чой потерял сознание. [38]

Он очнулся около пяти вечера. Второй охранник, который бил и надевал наручники, теперь тащил его в офис начальника охраны.

– Этот заключенный хороший певец, – с насмешкой сказал надзиратель шефу.

Чой не мог в это поверить.

– Пой! – приказал начальник после того, как с доставленного в кабинет сняли наручники.

Чой смотрел на двоих тюремщиков, его руки плетьми болтались по сторонам.

– Я не могу петь, – еле слышно ответил он слабым голосом.

[38] Левин (2000), с. 144—45.

Чой не упомянул Кима, охранника, предложившего ему петь за воду. Шеф, видя жалкое состояние пленника, не настаивал, и надзиратель вернул заключённого в камеру.

Вскоре Ким навестил Чоя. «Водонос» извинялся за ту ситуацию, но разве эти слова могли чем-то помочь в тюрьме?! Чой был болен, истощен и, вероятно, вполне мог умереть. Тем не менее с тех пор, как Чой ничего не сказал шефу об издевательствах Кима с водой, охранник больше не унижал невольника. Более того, навещал его чаще и иногда приносил что-нибудь от кожных болезней. Мало-помалу эти двое становились приятелями, что, возможно, подтверждало слухи о проигрываемой японцами войне. Так что вскоре заключённые могли поменяться местами с охранниками.

Два месяца спустя Чой услышал треск, вырывавшийся из динамиков в камере. Все девять месяцев его пребывания здесь радио было выключено, а теперь то, что оттуда исходило, казалось невозможным. Японский император в слезах зачитывал акт о безоговорочной капитуляции. Япония проиграла войну 2 сентября 1945 года.

Да здравствует Корея! – кричал Чой про себя. Он хотел танцевать от радости, но Ким предупредил, что надо сохранять спокойствие, так как отступавшие японские и корейские охранники могли расправиться с заключёнными. Тем не менее на следующий день охрана испарилась, и Чой смог шагнуть за железные ворота. Одетый в широкую рубаху, мешковатые черные штаны и соломенные тапки он шел за Кимом сквозь ликующую толпу, мимо корейского флага, развевавшегося на городской площади Пхеньяна. Они шли в дом Кима.

Оба приятеля остались в живых, Корея была свободной, а Чой получил второй шанс. Большая часть его жизни была битвой против японцев, уличных хулиганов, его отца и нищеты. И только теперь у него появился шанс сделать что-то самому, сделать что-то великое! То, что он обещал себе, если выйдет, о чем молился, если выживет, о чём шептал всё это время, находясь в тюрьме. После трёх с половиной десятилетий угнетения у всех корейцев появился второй шанс, и страна погрузилась в бурю новых надежд и кровной мести.

«Пхеньянский инцидент» Чоя стал одним из немногих актов неповиновения корейцев японским оккупантам во Второй мировой войне. Хотя в пытках, которым бывший узник подвергался в тюрьме, не было ничего особенного. Большая часть заключённых, особенно иностранных военнопленных, испытали на себе и намного худшее.

Как бы то ни было, поколения корейцев в течение 35 лет находились в японской оккупации, и мастера боевых искусств, жившие в то время, вынуждены были создать тхэквондо, тан су до, хапкидо и другие виды, чтобы сделать сильнее себя и свою нацию.

Спустя неделю после освобождения Кореи истощённый Чой прошёл несколько сот километров сквозь хаос и ликование к своей семье в деревушку Йонгвон, сильно изменившуюся за два года его отсутствия. Брат разыскал его в дешёвой гостинице и помог добраться до дома. К удивлению Чоя, новый враг, словно черная туча, навис над большей частью севера Кореи, включая и его деревню. Чой был опустошен. Корея освободилась от японцев, но теперь должна была бороться с коммунистами из Союза Советских Социалистических Республик (СССР), провозгласивших эту территорией своей. [39]

Что было хуже всего – два американских полковника за какие-то тридцать минут решили на глазок, что тридцать восьмая параллель будет делить Корею на север и юг. СССР согласился контролировать север. К популярным корейским оскорблениям «прояпонская» и «предательская» добавилось «проамериканская». Всего за одну ночь была развязана холодная война между корейскими коммунистами (которых поддерживали СССР и Китай) и корейскими националистами (с поддержкой США). Этот конфликт длится более семидесяти лет, но так и не завершился по сей день. [40] [41]

---

[39] Интервью, Лим (17 августа 2002 г.).

[40] Камингс (2005), с. 187.

Через пару месяцев Чой добрался из своей деревни до Сеула – столицы вновь созданной Южной Кореи. Люди дрались на улицах, и человеческая жизнь не стоила ничего. Как и многие в то время, он принадлежал самому себе и переходил из одной банды, которые сплачивались вокруг сильного главаря, в другую. Чой перестал использовать своё японское имя (Юсеки Нишияма) и придумал корейский псевдоним – Чадол (маленький камень, который трудно разбить). Он сконцентрировал всю свою силу и гнев, занимаясь в новой антикоммунистической военной школе, как и многие другие молодые солдаты, которым некуда было идти. Американцы помогли новому правительству учредить военную академию, ставшую началом новой армии. Чой был в её первых рядах. [42] [43] [44]

В течение года он преподавал каратэ группе полицейских. Корейцы называли это боевое искусство по-разному: тан су до (искусство китайской руки) и кон су до (искусство пустой руки). Название демонстрировало, на какой стороне холодной войны находился говорящий. Хотя и то, и другое были не что иное, как каратэ. Создатель японской системы Гичин Фунакоши изменил слово «китайская» на слово «пустая», так как первый вариант звучал достаточно дерзко. И несмотря на то, что это боевое искусство называлось «китайской рукой» сотню лет, использование названия «кон су до» показывало лояльность Японии. Чой и многие корейцы всё ещё оставались верны названию «китайская рука» и остановились на названии «тан су до». На фоне этого раскола зародилась небольшая группа школ (кванов), где занимались ученики и инструкторы, ставшие пионерами всех будущих стилей тхэквондо. [45] [46]

Чой, как и прочие мастера, использовал свои кулаки так же часто, как и свой ум, чтобы достичь того, чего он хотел. У него была особая личная фишка – перед тем, как вступить в драку, он любил потушить о костяшку кулака зажжёную сигарету. Однако это касалось только правого кулака, потому как левый должен был оставаться нетронутым в знак уважения к конфуцианским ценностям. Костяшки его правого кулака имели большие и твердые мозоли.

Несмотря на весь хаос, царивший на сеульских улицах, а также на сильную руку, поставленную Америкой в руководстве страны, Чой чувствовал, что может командовать армией. В эти дни он встречает Суна Ха Лима, солдата, который после «пхеньянского инцидента» смотрел на него с восхищением.

Лим вскоре станет генералом и будет содействовать развитию корейской армии. Он заметил, что в те дни бывший сокамерник хотел руководить своими друзьями ровно также, как и веселить их. Чой любил весело проводить время, на вечеринках хотел видеть улыбки и слышать смех. Он мог вскочить на стол, танцевать и петь народные песни, а его друзья, задрав головы, от души хохотали. Лим заметил, что Чой привык быть центром внимания: на улице был всегда впереди всех, а не рядом или позади. Он до тех пор пинал столбы и бил руками всё, до чего мог дотянуться, пока озадаченные друзья не начинали кричать, прося его прекратить чудачества. Лим представлял, что может получиться из этого наглого молодого солдата, в котором начальство видело скорее военное, чем боевое искусство. [47] [48]

В 1948 году Чой встретил свою вторую жену. У них родилось трое детей. Фото предоставлено Генералом Чоем.

В 1946 году Чой был вторым лейтенантом и уже стал стыдиться учить солдат японскому карате. Это началось в то время, когда Корея заново открывала для себя собственную нацио-

[41] Камингс (2005), с. 198.

[42] Интервью, Лим (17 августа 2002 г.).

[43] Камингс (2005), с. 207.

[44] Чой (ок. 2000), т. 1, с. 218—24.

[45] Фунакоши (1988), с. 24.

[46] Доренвенд (1997), с. 4.

[47] Интервью с дочерьми Чоя, Мён Коломвакос и Санни Чой (22 августа 2002 года).

[48] Интервью, Лим (17 августа 2002 г.).

нальную культуру после нескольких лет войны и десятилетий японской оккупации. В этот год он придумал первый элемент техники своего предполагаемого нового боевого искусства. Это был «нижний блок», перешедший из карате. Чой думал о боевом искусстве, которое должно было стать лучше, чем карате, сделать сильнее его самого, его солдат и его народ. Ведь, по его убеждению, японские головорезы притаились за каждым углом, а каждая из супердержав аккумулировала силы на своей стороне от границы. [49] [50]

Но у воинственно настроенного Чоя была и другая сторона души. В 1948 году он увидел потрясающую девушку в штаб-квартире армии. И хотя второй лейтенант всё ещё находился в законном браке, давным-давно устроенном его родителями, это не останавливало его от ухаживаний за понравившейся особой. Он каждый вечер приносил цветы к её дому и просил выйти за него замуж. Когда она открывала ему дверь, то видела букет цветов с ногами, ведь букет был такой большой, а Чой – такой маленький. В конце концов она сказала да, не представляя, какой ужас её ждет. [51]

[49] Чой (ок. 2000), т. 1, с. 234.

[50] Интервью, Чой (март 2001).

[51] Интервью, Коломвакос (20 ноября 2002 г.).

3. Супернам

Спустя пару лет холодная война в Азии переросла в Корейскую войну, названную северокорейцами «Освободительной». Более четырех миллионов корейцев были убиты. Большинство из них – мирные жители, заживо сожжённые напалмом, сброшенным американцами на 1000 квадратных миль северокорейской территории. В 1953 году, после окончания войны, большинство зданий в обеих Кореях лежали в руинах, повсюду бродили искалеченные люди. Улицы были полны беспризорников, калек и умиравших от голода, просивших еды. Трагедия могла бы быть ещё страшнее, если бы американский президент Гарри Трумэн решил сбросить приготовленную для северокорейцев атомную бомбу. Тогда полуостров был бы полностью уничтожен. [52] [53]

Джону Коху, помогавшему мне с этой книгой в качестве переводчика, было 10 лет, когда после окончания войны его семья вместе с другими беженцами возвращалась домой в Сеул. На месте дома он застал лишь пепелище, в центре которого висели два трупа. Джон взглянул на одного из них и увидел, что у того зловеще менялось выражение лица. Подойдя чуть ближе, мальчик рассмотрел червей, покрывавших всё тело мертвеца, от чего лицо трупа двигалось и казалось живым.

Это были годы хаоса и разлагающейся плоти. Но именно тогда из полуголодных, обездоленных людей и армии вышли настоящие мастера боевых искусств. В 1953 году Чою исполнилось 33 года, и он уже был в звании генерал-майора. Он пережил войну, а его командир, приёмный отец, учитель каллиграфии, как и многие из тех, кого он знал и любил, были мертвы. Чой ушел от первой жены, оставив дочь Чой Сон Джок. До конца жизни он редко говорил о них, В этом он был копией своего отца. Вскоре Чой женился второй раз, и у него родилась дочь Ми Юн. [54] [55]

Корейский фольклор полон поэм и сказок о легендарных сражениях у подножия величественных гор с участием великих героев. Старший лейтенант Нам также имел свою историю. Она началась или, скорее всего, закончилась в холодное утро 22 мая 1951 года. Тогда Нам проснулся, обнаружив бедро убитого им солдата у себя под головой в качестве подушки. В тот день он был удивлен не только тому, что жив. Он не мог понять, как остался цел, не потерял рассудок и даже не был ранен! Нам с трудом поднялся и с ужасом подумал, что находится на вражеской территории. Оглядевшись, вспомнил, что он со своим подразделением всё ещё недалеко от горы Йонгмун, рядом с Сеулом. Стояла весна, и лёгкий снег ложился на землю. [56] [57]

У Нама и Чоя было много общего: оба занимались карате-шотокан, стреляли в корейских коммунистов и выжили в смертельных битвах. Однако сейчас Нам и его 3-й батальон после трёх дней продолжительных боёв, большая часть из которых прошла врукопашную, оказались на грани смерти. Неделей раньше батальон Нама оказался в окружении китайских и северокорейских коммунистов недалеко от одного населённого пункта. Несмотря на то, что численное преимущество было на стороне коммунистов примерно один к трем, командир дивизии обвинил Нама и его подчиненных за этот промах. В наказание командир послал Нама с его солдатами на никем не занятую территорию у подножия горы Йонгмун. Это был опасный аванпост,

---

[52] Хесслер (2001), с. 146.

[53] Как псал Камингс (2004): «полное опустошение от реки Ялу до столицы» (с. 19).

[54] Интервью, Лим (август 2002 г.), Чой (ок. 2000), т. 1, с. 345.

[55] Интервью, Джун Ри (ноябрь 2007 г.); Лим Сун Ха и Сэнди Лим (август 2002 г.); Чой Сон Джок (30 мая 2003 г.).

[56] Мужчин называли янбан. Камингс (2005), с. 237 и Бёттчер (1980), с. 11.

[57] Подробности о Наме в этой главе взяты из его интервью (2001—2008 гг.) и военных документов. Многие грандмастера боевых искусств, такие как Нгуен Ван Бинь (11 августа 2006 года) и Пак Чон Су (21 февраля 2008 года), рассказали мне об опыте Нама во время Корейской войны.

находившийся в десяти километрах южнее главной линии обороны и на десять километров ближе к врагу (китайским 187, 188 и 189-й дивизиям). Нам с отрядом заняли плато и расставили пулемёты, приготовившись к серьезному сражению. [58] [59]

На рассвете Нам услышал, как неприятель отступает после очередной атаки. Так повторилось и на следующую ночь, и на следующий день, и только на третий день боя китайская военная масса двинулась в гору, в сторону плато Нама. Он видел китайцев, поднимающихся к возвышенности, и не стрелял, понимая что дальность стрельбы была менее 500 ярдов. Он ждал. К своему ужасу старший лейтенант осознавал, что наступавших было такое огромное количество, что его патроны закончатся прежде, чем закончатся солдаты врага.

С наступлением темноты коммунисты рассредоточились по периметру. Он пытался стрелять, но враги подорвали пулемётную установку и убили много его солдат. Нам перебрался в траншею, но это казалось ошибкой. Было так темно, что ни он, ни его солдаты не могли использовать оружие, опасаясь перестрелять друг друга. Оказалось, что китайцы боялись того же самого. В кромешной темноте невозможно было наверняка знать кто враг, а кто свой.

Нам слышал шорох и бросался на звук, пытаясь схватить человека за волосы. Китайцы старались делать то же самое. Ведь единственный способ отличить друзей от врагов – это схватить кого-то за «прическу». Тут точно не обознаешься, потому что коммунисты коротко стригли своих солдат, а южнокорейцы носили длинные волосы. Старший лейтенант нащупывал короткостриженных, бил и враг падал. Снова реагировал на шорох и бросался на звук, хватал, бил, поворачивался и бежал по траншее. Всё время, пока бой проходил в полной темноте и оставались силы, Нам продолжал и продолжал лупить по китайским головам. Короткая стрижка означала – бей! Длинные волосы – отходи! Он сражался за свою жизнь всю ночь, спотыкаясь во тьме, нанося удары, падая и поднимаясь.

Ближе к утру большая часть его бойцов была мертва. Китайцы отступили. Нам не ел и не спал трое суток, и просто валился с ног от изнеможения. [60]

Следующим утром он проснулся и увидел, что всю ночь вместо подушки использовал вражескую мёртвую ногу. Нога оказалась намного удобнее камня. Когда встало солнце и командир полка приказал отступать, пришла на помощь американская 24-я танковая дивизия. Но всё равно южнокорейцы с союзниками были в безнадёжном меньшинстве, и лишь каким-то чудом продолжали держаться против коммунистов. По всей округе лежало несчётное количество мёртвых китайских тел.

При свете дня Нам бродил по тому месту, где ночью шёл бой. Он видел много убитых и насчитал более двадцати четырёх тел, на которых не нашёл колотых или огнестрельных ран. Кто-то из вражеских солдат был убит одним ударом, а кто-то лежал с раздробленным лицом и сломанными костями.

Однако не было времени для передышки. Пользуясь ослаблением китайской армии, все южнокорейцы, включая передовую линию в десяти километрах, перешли в наступление и преследовали коммунистов до горы Янгмун. Благодаря Наму Тэ Хи и его батальону подразделения южнокорейской армии и американцы, находившиеся в меньшинстве, разбили три дивизии врага. Этот бой вошел в историю и во все военные учебники как пример обороны стратегической высоты от атакующего с 360 градусов противника. Генерал Чой Хон Хи был под впечатлением.

---

[58] Батальон входил в состав 6-й дивизии Южной Кореи. Нам был в 12-й роте третьего батальона.

[59] Битва Нама хорошо известна в Южной Корее, Бюро по культуре и благосостоянию рассказывает о ней детям в рамках тематических туров; см. «Битва на горе Йонгмун» на сайте Демилитаризованной зоны по адресу: kids.dmz.ne.kr / time / time21.asp (взято из Интернета 10 января 2016 года). Другие источники о битве: Сон (2004), Со (2008) и Национальный институт истории Кореи, расположенный в Южной Корее.

[60] В общей сложности два батальона сражались в течение трех дней на плато 353 и 427, со слов самого Нама Тэ Хи, а также документов Сона (2004), Со (2008) и других источников.

Слава о Наме Тэ Хи – эксперте корейского карате, убивавшем коммунистов голыми руками, быстро разлетелась по армии. А генерал Чой во что бы то ни стало решил заполучить его в свою дивизию. Он надеялся, что с людьми, подобными Наму, крошечная Корея также сможет противостоять китайским коммунистам, как победила японский фашизм. Однако Нам был психологически травмирован и в последующие годы редко мог рассказывать о своём бое без слёз. Он уцелел благодаря боевому искусству и тренировкам, не уставая повторять: «Мне Бог дал силы, чтобы выжить». [61]

***

На фото: Нам Тэ Хи – четвёртый в нижнем ряду слева, сидит по правую руку от Чоя Хон Хи. Фото предоставлено Генералом Чоем.

Сегодня я спрашиваю себя, как кто-то может убить две дюжины человек в рукопашном бою? В 2001 году, спустя много лет после того как Нам и Чой образовали свой грозный дуэт в тхэквондо, я встретил Нама в Чикаго и задал этот вопрос. Меня интересовало, какую технику он использовал на горе Янгмун. Он ответил, что не помнит и назвал мой вопрос странным, добавив:

– Это то же самое, если бы тебя спросили после того, как ты свалился в яму, – в какую сторону дул ветер?

Пока длился бой, он каждую секунду ждал смерти. Нам был специалистом в корейском карате или тан су до, которое они с Чоем позже назовут тхэквондо.

Задолго до этой битвы Нам начал изучать корейское карате по той же причине, что и многие корейские подростки, и японские уличные хулиганы. Он родился в Сеуле 22 марта 1929 года, в разгар японской оккупации Кореи. Как и Чой, он хотел заниматься боевыми искусствами, чтобы защищать себя. Нам рассказывал:

[61] Интервью, Нам (июль 2011 года).

– В начальной школе я часто ссорился с японскими пацанами на школьном дворе. Всюду, куда бы не шёл, я находил лишь проблемы с хулиганами и всегда дрался. Они как-то сказали мне, что хотя и не могут победить, но у них есть чёрные пояса по карате, а у меня нет. Я не знал, что такое карате, но кто-то мне объяснил, что это боевое искусство, способное разрушать одним лишь криком «кия!». И будто бы занимаясь этим искусством, человек способен кому угодно ломать руки, даже находясь за двадцать метров от противника. Ну что ж, я захотел попробовать. [62]

Обидчики Нама, конечно же, читали популярные в те годы в Азии книжки, например, «Полный иллюстрированный сборник секретных уроков мягкого и жёсткого гонга» от мастера Ву Тай Моунтэйна. Автор писал, как карабкаться по стенам, укреплять колени ударами железного молотка и бить кулаками точно в цель, расположенную в нескольких метрах. Позже подобная чушь будет тиражироваться в разных изданиях, превращаясь в мифы о тхэквондо. [63]

В восемнадцать лет Нам начал тренироваться по пять раз в неделю в секции Чун До Кван (Школа Голубого Пути) мастера Вона Кук Ли. Это была первая школа карате в Корее – колыбель многих будущих пионеров тхэквондо. Вон Кук Ли был пионером корейского карате и знаменитым лидером в мире боевых искусств. Ему посчастливилось, будучи корейцем, дойти до уровня чёрного пояса второго дана по карате-шотокан в период до 1945 года. Ли родился в 1907-м и был старше Нама и Чоя. Он занимался карате уже в двадцатых годах прошлого столетия, задолго до того, как Чой познакомился с шотокан. [64] [65] [66]

В 1944 году, во время Второй мировой войны, несмотря на продолжительные гонения на корейские боевые искусства, японский губернатор разрешил Ли открыть школу Чун До Кван. Примечательно, что позже корейское правительство обвинит Ли в симпатии к Японии. В отличие от Нама и Чоя это сыграло против Ли, отказавшегося поддержать новое южнокорейское руководство, которое обвинило его в создании преступной группы. В 1950 году мастер карате и его жена вынуждены были бежать в Японию, но до этого Нам усовершенствовал свою технику. Нам никогда не видел, чтобы Ли кого-то убивал, однако он говорил, что даже один удар Вона Кук Ли мог стать смертельным.

По сравнению с сегодняшними стандартами, в те дни боевые искусства были весьма просты. Как-то Ли рассказывал журналистам:

– В ранние годы чун до (тхэквондо) состояло из десяти техник руками и восьми техник ногами, нацеленных в жизненно важные части тела. Техниками рук были: удары кулаком, пальцами, ребром и основанием ладони, наполовину согнутым кулаком, зоной между большим и указательным пальцами, одним и двумя пальцами, тыльной стороной кулака и прочие. Техника ног же состояла из прямого, бокового, кругового и заднего ударов, которые наносились в разные уровни тела. [67]

Пару лет назад я поинтересовался у Нама по поводу техники удара кончиками пальцев, иногда называемой «рука-копьё». Это выглядит так же, как и удар кулаком, но вместо этого удар наносится пальцами открытой ладони. Человек совершает как бы колющий удар в живот или солнечное сплетение. К моему удивлению, один из инструкторов сказал, что этот удар при достаточной тренированности и высокой мощности способен насквозь пробить живот

---

[62] Интервью, Нам (декабрь 2001 г.).

[63] Го и Кеннеди (2004), с. 32.

[64] Вайс (2000), с. 82—84, Дорендвенд (1997), с. 1.

[65] Однажды он объявил, что является основателем тхэквондо, но это утверждение широко оспаривается. Эрик Мэдис написал эссе, в котором рассказывает о своей жизни, званиях и достижениях: «Штурм крепости: история тхэквондо. Часть вторая. Первые корейские школы: школы шотокана, Вона Кук Ли и Чунадоквана», опубликованное в 2010 году. Взято из Интернета 10 января 2016 года (fightarts.com/reading/article.php? id=661).

[66] Большая часть этого абзаца взята от Кана и Ли (1999), стр. 1—3, Симпкинс и Симпкинс (2002), стр. 6.

[67] Талботт (1999), с. 1. Количество техник руками не дотягивает и до десяти, но Ли считал, что их ещё меньше.

противника. В 2001 году генерал Чой Хон Хи, проводя аттестационно-технический семинар в Торонто, среди прочего заметил:

– За мгновение до касания ты должен сделать вращение кистью, чтобы рука наподобие штопора ввернулась в плоть.

А другой инструктор добавил:

– Твоя рука должна находиться среди внутренних органов так, чтобы затем немедленно извлечь их.

При встрече я рассказал Наму Тэ Хи обо всём этом и спросил, действительно ли такое возможно? Никогда не забуду его ответ. Он посмотрел на меня спокойный, слегка озадаченный и сказал:

– Ты не сможешь долго держать руку в животе у одного противника, ибо у тебя, возможно, появится второй. Даже если ты и смог бы пробить первому живот, это не значит, что он будет стоять перед тобой как истукан. Он обязательно будет продолжать тебя бить руками и ногами. Разорви дистанцию и будь готов атаковать вновь! [68]

И тут я понял, какая огромная разница между спортсменами, тренирующимися сейчас, и теми, кто тренировался пятьдесят лет назад. Я физически ощутил различие между моими тренировками три раза в неделю (учитывая, что отношусь к тхэквондо как к хобби) и его работой преподавателя, который учит искусству убивать.

Мы говорили с ним и о боковом ударе передней ногой. По сути – это простая техника, где из-за короткой дистанции, отсутствия времени и места, ты поднимаешь переднюю ногу и бьёшь пяткой или ребром стопы. Казалось бы, такой удар сложно сделать с ощутимыми силой и скоростью. Большая часть защищающихся в спарринге может заблокировать слабый удар или сделать захват ударной ноги. Один из моих инструкторов, ученик Нама Тэ Хи, говорил мне, что лучшие бойцы отрабатывают боковой удар ребром стопы. Ребро стопы как бы формирует лезвие меча – «стопа-меч» – и, по утверждению генерала Чоя, при ударе должно ломать руку, бедренную кость, голень, ребро или что-либо другое.

Нам говорил мне:

– Цель любой атаки – вывести противника из строя. Один удар ногой или рукой должен причинить максимальные разрушения: сломанные кости, рассечения. Принято говорить, что один удар рукой или ногой может привести к смерти. Мы тренировались изо всех сил, чтобы достичь большей силы, мощности и энергии. Вместо того чтобы бить рукой два или три раза, мы били один, но это приводило к нокдауну.

Многие великие бойцы, занимавшиеся тан су до (в котором в основном использовались техники ударов руками), такие как Брюс Ли, Джо Льюис или Билл Уолис (Superfoot), улучшили свою технику боя, применяя боковой удар передней ногой. В результате их ноги стали таким же молниеносными, как и руки.

Нам утверждал:

– Тхэквондо уже не то. Некоторые люди, имеющие чёрный пояс, так и остались неспособными ни к чему. Некоторые занимаются просто для развлечения. Я всё понимаю, но глубоко сожалею об этих переменах. Я бы хотел вернуть тхэквондо его истинное предназначение – его традиционный Путь. Должны быть жёсткие тренировки. Тяжёлые и физически, и ментально, с полной концентрацией. Мне жаль, что я больше не могу тренировать инструкторов, как раньше.

Для бывшего солдата Нам выглядел непривычно смиренным, и странно было слышать от него слова сожаления о том, что он больше не может учить людей калечить и убивать одним ударом. Может быть, он становился мягким из-за возраста, ведь когда я впервые говорил с ним в 2001-м, ему шёл семьдесят второй год. Генерал Чой любил, когда его называли основателем

[68] Цитаты Нама Тэ Хи в этом и следующих трех абзацах взяты из моего интервью с ним в декабре 2001 года.

тхэквондо. На самом же деле и Нам Тэ Хи сыграл огромную роль, поэтому также был основателем.

***

В 1952 году генерал Чой пригласил Нама на остров Чейу тренировать тан су до в недавно созданную 29-ю пехотную дивизию, ставшую впоследствии инкубатором тхэквондо. В дивизии было 100 тысяч человек. Чой попросил полковое командование прислать ведущих инструкторов для тренировки по восемь часов в день под командованием тогда уже капитана Нама. На остров прибыло пятьдесят солдат. Некоторые – из школы Чун До Кван Вона Кук Ли. Эти пионеры стали частью тхэквондо первой волны. [69]

29-я дивизия тренировала тысячи солдат. В этот процесс было вовлечено элитное подразделение «Чёрные тигры», причастное к убийствам и разведывательным действиям на территории Северной Кореи. Чой не скрывал, что гордится «Черными тиграми», чье название было неким эхом знаменитых «Корейских тигров». В 1861 году американская эскадра кораблей пыталась захватить корейский порт Кангхва. На протяжении сотен лет Корея была известна своей нелюбовью к иностранцам. И вот в том году американцы решили войти в порт силой, но 650 корейцев сдерживали их до тех пор, пока не кончились боеприпасы. Защитники продолжали сражаться до последнего солдата. В отчаянии они бросали песок в глаза захватчикам и атаковали их голыми руками. Американцы убили всех «Корейских тигров». Тела воинов лежали на берегу вокруг крепости в белой, пропитанной кровью, одежде. Непрошенные чужеземцы тогда отступили, тем более что бесплодные переговоры с местным правительством не привели к ожидаемым ими результатам. [70] [71]

Через 92 года после этого, в 1953-м, американцы воспользовались хитрой тактикой. Они решили поддержать людей, подобных Чою и Наму, тех, кто был частью корейской военной машины. Это нужно было для того, чтобы перестроить нацию, а два основателя боевых искусств блестяще бы исполнили свою роль в деле подготовки солдат.

Чой следил, чтобы тренировки 29-й дивизии были усердными и эффективными. С севера в Южную Корею тянулись ученики Нама Тэ Хи. Они оставляли свои дома и бежали от коммунистического режима. У них почти не было никакого имущества. Тренировки же проходили прямо на плацу дивизии, так как никакого зала не было и в помине. Занимались босиком, даже на снегу, и не для того, чтобы закалиться, а лишь потому, что берегли единственные ботинки. [72]

Хи Иль Чо, ставший известным экспертом тхэквондо в Америке, начинал тренироваться именно в те дни, когда боевые искусства не были простыми упражнениями, а были тренировкой военных и средством для выживания. Генерал Чой говорил журналистам, вспоминая становление «инкубатора» тхэквондо:

– Они не были настоящими бандитами, а лишь пацанами, бесцельно бродившими из города в город и нападавшими на таких же как они, подростков. Спортивные залы в то время

---

[69] Нам и Чой рассказали мне о первых, кто приехал тренироваться. Сук Гю, У Джон Лим, обучавший многих инструкторов, и Хан Чха Гё – кто мог прыгать через плечи ассистента) (из Чоя [с. 2000], т. 2, стр. 96). Также выходцы Чун До Квана были Чан Гын Чой Ч. К., который помогал создавать тхэквондо, и Ри Джун Гу, который позже подружится с Брюсом Ли и будет править империей тхэквондо в США (из интервью: Чой Ч. К. [31 октября 2007 г.] и Джун Ри (ноябрь 2007 г.). Кроме того, многие известные инструкторы из Чун До Квана вскоре стали преподавать или тренироваться вместе с Намом. Например, Ом Вун Гю и Ли Чон У, оба впоследствии лидеры олимпийского тхэквондо, и Хён Джон Мён. Они помогали развивать олимпийский стиль. (Из книги Кана и Ли [1999], стр. 2 и т. д.).

[70] Бердик (1997), с. 39.

[71] Камингс (2005), с. 97. New York Herald назвал эту битву «Маленькой войной с язычниками».

[72] Чой (1960), с. 20. Интервью с Намом Тэ Хи (декабрь 2001 г.).

были очень простыми. Чаще всего – без стен, одни лишь крыши, пол грязный. Многие дети не имели никакой обуви и ходили везде босиком. Голод в те дни был нормой. [73]

В годы, когда тхэквондо было еще совсем сырым и называлось тан су до, Чой мечтал, а Нам воплощал его мечты в реальность. Мало кто из близких к Чою людей в течение пятидесяти лет совместной работы видел, как он что-либо делал сам. Но он и не должен был. Он был генералом, обладавшим реальной властью, отдававшим приказы младшим по званию, таким, как Нам Тэ Хи – то есть тем, кто и привёл к жизни Искусство. Чой начал шоу, а Нам и был тем самым шоу. [74]

К 1954 году Чой и Нам были вполне уверены в своих пятидесяти бойцах, чтобы организовать выступление перед самим южнокорейским президентом Ли Сын Маном. Чою не терпелось продемонстрировать президенту, что 29-я дивизия состоит из лучших солдат.

Нам никогда бы не смог забыть день демонстрации, проводившейся по случаю празднования годовщины Первого армейского корпуса. Она проходила на поле открытого стадиона, где зрителями были генералы и тысячи солдат. А президент Ли смотрел со специальной, приподнятой над землёй, платформы. Нам и его воспитанники демонстрировали элементы спарринга, самообороны и техники штыкового боя. Когда всё закончили, президент остался стоять, тем самым давая понять, чтобы выступление продолжили. Он должен был знать о рукопашном бое Нама Тэ Хи на горе Янгмун во время Корейской войны, так как награждал отличившуюся тогда дивизию особыми знаками. Нам со своим ассистентом Ханом Ча Гё готовили выступление лишь на пятнадцать минут. И теперь им пришлось импровизировать. Демонстраторы показали серию различных технических приёмов из формального комплекса «хва ранг», который Нам скомбинировал из комплекса корейского карате. Вдобавок Нам спарринговал против одного, двух и трёх противников. [75]

В какой-то момент он подошел к стопке из пятнадцати глиняных кровельных черепиц, возвышавшейся над землей более чем на фут (более 30 см). Каждая черепица была толщиной в три четверти дюйма (1 дюйм – 2,54 см). Человек, не занимавшийся боевыми искусствами, счел бы сложным разбить даже две из них. Нам источал силу, но он не был человеком высокого роста. Стоя над стопкой черепицы и занеся над ней руку, он спиной ощущал удивление и интерес зрителей: действительно ли возможно разбить все это?

Нам ударил один единственный раз в кривую и твердую поверхность черепицы. Президент был ошеломлён.

– Что было в его руке? – спросил он у генерала Чоя, который стоял неподалёку.

– Ничего, – ответил Чой. – Он ударил кулаком. Голой рукой.

– Он ударил вот этой частью? – хотел уточнить президент, показав на две косточки своего кулака.

– Да, сэр! – удовлетворил его любопытство Чой. [76]

В 1954 году Генерал Чой принимает рукопожатие южнокорейского президента Ли Сын Мана. Фото сделано после того, как Нам Тэ Хи ударом руки разбил 13 черепиц. За ними наблюдает начальник штаба и «четырёхзвёздный» генерал Ли Хён Гун. Фото предоставлено Генералом Чоем.

Чой объясняет президенту Ли, как двумя первыми костяшками кулака Нам разбил черепицу.

Президент поинтересовался названием боевого искусства. Чой ожидал этого вопроса и в своё время говорил Наму, что нужно приготовить подробный конспект. Однако Чой, про-

---

[73] Ён (без даты). Взято из Интернета в 2008 году. (www.blackbeltmag.com/archives/482).

[74] Интервью с Намом Тэ Хи (2001 г.), Джо Кариати (23 января 2002 г.), Пармаром Раем (23 января 2002 г.) и Ч. К. Чоем (ноябрь 2007 г.), среди прочих.

[75] Сон (2004), с. 1.

[76] Чой (1960), с. 20 и интервью с Намом (декабрь 2001 г.).

смотрев черновик Нама, вычеркнул те части, в которых говорилось про тан су до или карате. Президент слыл ярым националистом, ненавидел всё японское и испытывал ярость, если узнавал, что кто-либо из южнокорейских солдат изучал японские боевые искусства. Более того, президент обвинил первого корейского мастера карате, учителя Нама, в том, что тот был убийцей и Вону Кук Ли пришлось бежать, спасая жизнь. До того, как Чой успел что-либо ответить президенту, кто-то, не сдержавшись, ляпнул, что это тан су до.

– Это тхэккён, – возразил президент, тем самым предотвращая скандал, но и добавляя проблем для Чоя и Нама.

Два этих искусства были совершенно разными: тхэккён – традиционной корейской забавой, использующей по большей мере технику ног, в то время как тан су до было карате и опиралось на технику рук. Президент Ли, вероятно, помнил тхэккён из своего детства. [77]

Находясь под впечатлением от выступления Нама, он приказал Чою обучать этому искусству большее количество корейских солдат. Армия стала тогда одним из сильнейших институтов в Корее. Её численность за три года выросла со ста до шестисот тысяч военнослужащих. Каждый мужчина должен был пройти службу в армии. Учебные лагеря, жесткая дисциплина, антикоммунистическая пропаганда и, как сказал один историк, «авторитарная практика, которая остудила бы пыл даже самого пробитого американского офицера». Боевые искусства теперь должны были быть добавлены в ежедневный тренинг. [78]

История выступления 1954 года была одной из самых незабываемых в жизни Чоя и Нама. События того дня изобиловали неожиданными поворотами. Президент был восхищен и в то же время поставил всех перед дилеммой: нельзя учить карате, называя это тхэккёном. Несмотря на то, что тхэккён имел в своём арсенале технику рук, он был известен сотни лет как мягкая, ритмичная игра, где использовались сильные толчки ногами и прыжки. Короче говоря, тхэккён не являлся карате, и Чой не был идиотом. [79] [80]

Пока Чой и Нам думали над проблемой, 29-я дивизия стала знаменита в армии, а Чой стал ближе к президенту Южной Кореи, тем самым получив еще больше власти. В 1954 году Чой приказал военным построить на военной базе в провинции Кангвон новый зал боевых искусств. Он назвал его О До Кван (Школа Моего Пути или Школа Нашего Пути). В этот же год Чой стал почётным директором обновленной Школы Чун До Кван – гражданского учебного заведения, где восемнадцатилетний Нам начинал заниматься карате. Руководитель этой школы Сон Дук Сун присвоил генералу Чою почётный четвёртый дан, желая использовать влияние военачальника в армейских кругах для продвижения своего боевого искусства. Чой распространил обучение, помимо 29-й дивизии, и на эти две школы. Теперь, чтобы тренировать 300 человек в О До Кван, Наму требовался микрофон. [81] [82] [83] [84] [85]

Военная и гражданская школы Чоя стали двумя из немногих так называемых кванов, которые южнокорейские диктаторы позже принудят к слиянию. Чой стал администратором обеих школ, но он никогда сам не тренировал. Нам просил что-либо для О До Кван, и Чой отдавал приказ достать это из-под земли. Их общие амбиции расширялись до тех пор, пока не стали больше, чем размер эго южнокорейского президента. Каждый солдат должен был изучать новое боевое искусство. Лучшие техники брались из карате, что-то добавлялось из тхэк-

[77] Оуян (1997), с. 77—79.

[78] Камингс (2005), с. 302—303.

[79] Ким (2000), с. 49.

[80] Интервью, Руббелинг (сентябрь 2012). Ён (1993), сс. 61—67 и Оуян (1997), с. 79.

[81] Чой (ок. 2000), т. 1, с. 423.

[82] Чой Ч. К. (2007), с. 80, интервью с Намом (декабрь 2001 г.) и Чоем Хон Хи (март 2001 г.).

[83] Чой (с. 2000), т. 1, сс. 428—29, Симпкинс и Симпкинс (2002), с. 5.

[84] Кан и Ли (1999), с. 11.

[85] Чой (1960), с. 21.

кён и так далее. Эффектные приёмы были призваны укрепить солдат, принести славу корейским спортсменам и вдохнуть силу в разоренную страну.

Более того, новое боевое искусство должно было обессмертить Чоя, по крайней мере так он об этом мечтал. Но в первую очередь он должен был дать ему новое название! Ведь оно не могло называться тан со до или кон су до, да и другие корейские синонимы к слову карате сюда тоже не подходили. Также это искусство не могло называться и тхэккёном, как того желал президент Кореи. Немаловажен и другой вопрос – как убедить президента страны и руководителей других школ сменить прежние названия и принять новое?

Оставалось только одно: организовать грандиозную вечеринку в одном из любимых ресторанов Чоя – высококлассном корейском гейша-хаусе, где мужчины могли покупать себе власть вместе с лучшим саке, женщинами и грезами.

4. Тхэквондо получает имя в кисэн-хаусе

В один из апрельских вечеров 1955 года Чой выбрал кисэн-хаус (гейша-хаус) для проведения заседания представителей боевых искусств. Это было вполне подходящее место, потому что именно здесь творятся мифы и исполняются желания, а Чой был готов представить миру пару собственных мифов. Кугильгван был традиционным кисэн-хаусом, построенным в XIX веке при правлении династии Чосон. Он расположился неподалёку от королевской усыпальницы и старой колокольни, в честь которой улица была названа Колокольной. Кугильгван был одним из самых знаменитых в Корее, местом, где первые нувориши открывали свои сердца одновременно с кошельками. Управлял Кугильгваном секретарь президента Южной Кореи Юи Ки Бун, крайне полезный для Чоя человек. Юи был второй по влиянию фигурой в политике страны после самого президента. [86] [87]

Корейцы, воспитанные в старых традициях, но имевшие новые деньги и власть, любили старые ритуалы Кугильгвана. После Второй мировой войны шеф местной полиции приказал в течение трёх дней переоборудовать кисэн-хаус по западному образцу, приобрести столы, стулья и включить в меню европейские блюда: бифштекс, куриный суп и прочее. Однако Кугильгван вежливо отказался. Почтенные семьи со старыми деньгами, сохранившимися со времен династии Чосон, предпочитали два других больших кисэн-хауса, но Кугильгван сохранил и старое меню, и декор. В те дни многие корейцы голодали, и студенты, протестующие на улицах и площадях, недоумевали: как могут чиновники, тайно собирающиеся в кисэн-хаусах, представлять простой народ. Это был хороший вопрос. Коррумпированные политики и военная верхушка учредили многие национальные компании в кисэн-хаусах. Позже на Западе мы это назовём закулисными играми. Политика кисэн-хаусов была единственно работавшей в послевоенные годы. [88]

В 1955 году, в день собрания в Кугильгване, посвящённого боевому искусству Чоя, пять свечей расположились на низком столе, изобилующем выпивкой и закуской. Чой и его компаньоны расселись на полу, и тепло комнаты окутало их. Женщины шептали им на ухо и подливали рисового вина. Можно было выбрать себе кисэн (девушку) из специальной книги и сделать заказ по названию цветка: Пиона, Лаура, Хризантема. Мужчины посещали кисэн-хаусы не только чтобы выпить и поговорить о делах, но и пообщаться с «цветами». Для женщин династии Чосон, располагавшихся на социальной ступеньке ниже мужчин, стать кисэн означало улучшить положение. Конфуцианские устои предписывали большинству женщин сидеть взаперти и не показываться на глаза, но кисэн были исключением. Насколько их почитали, настолько и презирали. Некоторые из них становились кисэн, чтобы избежать конфуцианского общества. Но многие были проданы в кисэн-хаусы ещё в юном возрасте, чтобы развлекать и ублажать мужчин. Они жили как японские гейши, и их карьера заканчивалась уже к двадцати годам.

---

[86] Чой (ок. 2000) пишет, что встреча проходила в кисэн-хаусе, и Нам говорил мне, что это был именно Кугильгван. Много было написано о встрече, но не о месте встречи: Ким (2000), стр. 49; Кан и Ли (1999), стр. 12; Ч. К. Чой (2007), стр. 81. Если не указано иное, подробная информация в этой главе содержится в статье «Чой» (ок. 2000 года), пункты 1, 435—37 и интервью с Намом Тэ Хи.

[87] Многие корейские источники предоставляют подробную информацию о Кугильгване и его посетителях:Национальный институт истории Кореи; взято из Интернета в 2008 году (www.history.go.kr/en/main/main.do);пятитомный сборник по истории и культуре Южной Кореи; получено из Интернета в 2008 году (seoul600.visitseoul.net);статья Ы Пом Джина в выпуске журнала «Чуган Чосон» от 20 марта 2005 года; получено из Интернета в 2008 году (magazine.chosun.com);«Тридцатилетняя традиция дома кисэн», в Минджу Синмун (9 мая 2006), «Сеульская газета»; статья под названием Пак Мария (которая была женой Ы Ки Бунга) из Центра освободительной истории; получено из Интернета 10 января 2016 г. (bluecabin.com.ne.kr/split99/pmaria.htm).

[88] См. Камингс (2005), с. 356—57, карикатура на политиков того периода любивших кисэн.

Время от времени о кисэн-хаусах всплывала неприятная правда, вдребезги разбивавшая общепринятое мнение об укладе жизни. Однажды кисэн из Кугильгвана Ким Со-Сан была обвинена в шпионаже в пользу Северной Кореи. Вместо того чтобы арестовать девушку, Южная Корея заставила её стать двойным агентом. Неожиданно северокорейцы дали ей приказ убить прокурора-антикоммуниста. Кисен выполнила задание, однако была схвачена на границе двух Корей. Она пыталась покончить с собой, но пистолет дал осечку.

Обычно подобные истории рассказывались на встречах подвыпившими мужчинами, пока они потягивали саке. Чой не был алкоголиком, но любил выпить. Он был убежден, что если мужчина хотел признания общества, то должен быть одинаково хорош в выпивке, картах и драке. И в конце концов, он должен быть плейбоем с женщинами. В этом смысле он понимал жизнь своего отца, которой тот жил тридцать лет назад. Сейчас Чой имел двух жен и четверых детей: дочь от первой жены, а также сына и двух дочерей от второй. Иногда трое дочерей играли вместе, но при этом все вокруг вели себя так, будто его первой жены не существовало. Это был его мир, когда он подростком женился первый раз в деревне, второй раз в городе, когда повысился его социальный статус и третий раз – в своих фантазиях, находясь с кисэн.

Вторая жена Чоя переживала по поводу его «визитов», но она ничего об этом не говорила, потому что если Чой решил, то как мужчина, он должен был продемонстрировать свой достаток и власть. И потом, такие собрания были бы вполне естественны, если бы вы хотели дать имя новому боевому искусству. Так уже было, когда лидер карате пытался организовать крупнейший зал в стране. Первое серьёзное собрание состоялось в 1951 году во время Корейской войны. Никто другой не смог бы достичь в этом успеха, и именно сейчас Чой был особенно силён. Он открыл два больших зала, сблизился с президентом Южной Кореи и сейчас впервые за свою военную карьеру накрыл богатый стол для знаменитых гостей. [89]

Той ночью в Кугильгване на разрисованных цветами ширмах, окружавших их стол, словно охранники, висели черные плащи. Справа от Чоя сидел Сон Дук Сун, влиятельный руководитель крупной гражданской школы Чун До Кван, принадлежавшей генералу Чою. Обычно Чой с Соном ладили, как волк и лиса, но сегодня они сотрудничали. Сон привёл своего старшего инструктора и посадил его рядом с восемью другими мужчинами, расположившимися за столом: самым влиятельным генералом Кореи, двумя влиятельными политиками, двумя бизнесменами и тремя журналистами. Все они были первым консультативным комитетом «Чун До Кван» Сона Дук Суна. Позже эта встреча стала настолько важной, что Чой назвал её «комитетом по наименованию». Правда, впоследствии исключив Сона из процесса. [90]

Газетная статья о собрании в кисэн-хаусе. На фото: Чой Хон Хи третий слева, а стоит за ним Сон Дук Сун. Фото предоставлено Генералом Чоем и Чоном Джон Суном.

– Мы пришли сюда, чтобы создать новое имя, объединяющее запутанные и разнообразные термины, применяемые к одному боевому искусству, – обратился Чой к сидящим за столом. [91]

Он предложил голосовать анонимно. Когда бюллетени были открыты, Чой увидел, что все выбрали старое и почтенное имя «тан су до», и только он один предложил новое – «тхэ квон до». Сочетание «тхэ» и «квон» на слух звучало странно и непривычно. Со словом «квон» было всё понятно, но что означало «тхэ», и как оно могло сочетаться с «квон»… в «тхэквондо»?

– Кто это предложил? Что это значит, объясните пожалуйста! – спросил председатель.

---

[89] Бердик (1997), стр. 37—38, перечисляет совещания.

[90] Хён Джон Мён, который позже стал частью Всемирной федерации тхэквондо.

[91] Чой (ок. 2000 года), стр. 435.

– «Тхэ» означает прыгать, пинать или топать, – сказал Чой, – «квон», как вы все знаете, кулак. Причем кулак – это не только сжатая ладонь, но и различные ударные техники боевого искусства. «До» означает «искусство» или «путь», как в каратэ-до. [92]

Генерал Чой Хон Хи вместе со своим лучшим инструктором Намом Тэй Хи составили слово «тхэквондо», используя китайские и корейские словари. [93]

Затем Чой сделал поразившее всех предположение, что сочетание «тхэ квон» могло бы быть родственным от слова «тхэккён» – так называлось старое корейское искусство, которое южнокорейский президент очень хотел продвигать. В корейском языке слова «тхэ» и «квон» ничего не имели общего со словами «т'аек» и «кён», несмотря на похожее звучание на английском языке. Более того, были разными с точки зрения физики движения. [94] [95]

Уже потом «исследование» пришло к довольно смелому предположению, что истоки найдены в трёх древних династиях. Что, конечно же, было фикцией. Однако Чой заявил следующее: [96]

– В захоронениях Когурё найдены рисунки, подтверждающие, что техники тхэквондо берут начало в этой династии, датируемой 37—668 годами нашей эры. Гробницы были спрятаны в запутанных пещерах близ Пхеньяна. А статуя буддийского воина (Кумган Юкса) из династии Силла, правившей с 5 по 668 годы нашей эры, изображает движения, свойственные боевым искусствам. К тому же руководство по боевому искусству «Муйечебо», написанное в 1759 году, показывает борца тхэккён времён династии Йи.

Позже историки опровергнут противоречивые «исследования», в которых мало упоминаний о японском карате. Но даже по сей день эти мифы ещё можно услышать от занимающихся боевыми искусствами. Возможно, наиболее популярные из них и вызывающие улыбку – истории о династии Силла и о воинах хваранг.

Это очень показательно, как миф о хварангах, живших 1500 лет назад, можно заставить работать на милитаристские, националистические цели века двадцатого. Слово «хваранг» означает «цветущая молодёжь». Так называлась группа молодых людей, набранных из семей аристократов. Они, прекрасно одетые, путешествовали по государству Силла, танцевали, пели песни и занимались тайными практиками. Не существует свидетельств, что они были корейскими буддийскими воинами.. Нет также и доказательств, что они занимались боевыми искусствами. Однако в 1952 году на правительственном уровне история и культура были пересмотрены, и создан миф о молодёжном воинском движении. А Чой в честь него назвал первый формальный комплекс в тхэквондо. Даже сегодня сайты олимпийского вида тхэквондо используют миф о хварангах, а руководители федераций заставляют обладателей чёрных поясов помнить пять принципов воинов-хваранг: [97] [98] [99]

– Почитать родителей.
– Быть верным в дружбе.
– Быть храбрым в бою.
– Быть разборчивым в применении силы.

---

[92] Чой (ок. 2000 года), стр. 436.

[93] Интервью Нама (17 апреля 2006 г.)

[94] Чой (ок. 2000), В. 1, стр. 436—38. Интервью Чоя Джун Хва (янв. 2002). Ён (1993) описывает мифы, которые связывают эти два искусства. Многие лидеры боевых искусств впоследствии писали об этих мифах так, как будто они были реальностью; Чон (2006), стр. 6—10, например. Однако Чой (2007) был ближе всех к истине.

[95] Ён (1993), сс. 51—59

[96] «Предисловие» Чоя (1960) стр. 18—20 и Чоя (1999).

[97] Рутт (1961), с. 2, 7, 10—11, 19—20, 53, 63. Кроме того, интервью с Руббелингом (октябрь 2014 года).

[98] Рутт (1961), с. 28.

[99] Интервью, Руббелинг (октябрь 2014).

Как бы то ни было, нет никаких доказательств, что эти принципы были связаны с хварангами. Забавно, но согласно старым документам и рисункам, изображающим «цветущую молодёжь», одетую в женскую одежду, поющую и танцующую, она была далека от имиджа корейских плейбоев, возлежащих в кисэн-хаусах 1950-х годов. Фантазии о хварангах были вызваны скорее опьянением саке и женщинами. Но компаньоны Чоя полагали, что будет лучше иметь древних воинов на своей стороне, чем посмотреть правде в глаза и признать: тхэквондо основывалось на боевых искусствах Японии – их давнего и заклятого врага.

Фото слева: 1960 год. Корейский юноша-танцор одет как хваранг. Фото справа: хваранги в древности служили, скорее, для развлечения, чем для войны. На фото юноши-танцоры одеты в женские платья. 1958 год. Фото предоставлено отделением Королевского азиатского общества (Royal Asiatic Society Korea Branch). «Цветущие юноши» Силлы (хваранги).

Вскоре после заседания в кисэн-хаусе Чой прекратил предполагать, что тхэквондо могло быть тхэккёном и убедил себя в том, что так и было в действительности. Он повторял, что это боевое искусство процветало, начиная с династии Силла, проходило через династию Когурё и затронуло раннее правление династии Йи. Кто мог спорить с тремя империями и Чоем – одним из влиятельнейших генералов Кореи?!

Однако даже теперь никто не хотел голосовать за название «тхэквондо». Чой и Нам строжайше приказали своим подчинённым использовать его внутри своих военных залов О До Кван, а также кричать «тхэ квон!», когда кланяешься. Но Сон Дук Сун, руководитель клуба Чун До Кван, равно как и другие руководители корейских боевых искусств, остановились на названии «тан су до».

К глубокому сожалению Чоя и Нама, корейский президент также не был согласен с названием «тхэквондо». Через пару дней после заседания в кисэн-хаусе начальник его охраны рассказал Чою, что глава государства предпочитает написание «тхэккён».Чой находился на грани обморока. Как теперь убедить президента, что боевое искусство, воссозданное генералом, не было такой же забавой их детства, как когда-то был тхэккён? [100]

Настало время для другого собрания в роскошном кисэн-хаусе. На этот раз Чой пригласил наиболее влиятельных людей из окружения президента, включая его главного советника. Конечно, недруги могли обвинить Чоя в том, что он раздавал взятки и делал разного рода одолжения, но он полагал, что это был лишь разумный риск. На собрании кисэн подавали на стол традиционную корейскую еду, а генерал не стеснялся угрожать. После заседания кое-кто от имени Чоя и Нама убедил южнокорейского президента согласиться с названием «тхэквондо». Это значило, что теперь они могли обратиться к главе государства, чтобы заставить других руководителей признать это название.

Даже спустя пятьдесят лет Нам Тэ Хи плакал, рассказывая историю о том, как они с Чоем убеждали президента принять это название. При этом подчеркивая, что терпеть не мог ни ликёр, ни кисэн, ибо в отличие от Чоя стал убеждённым христианином.

[100] Чой (с. 2000), с. 438.

***

Внезапно в 1956 году южнокорейский президент приказал высоко взлетевшему Чою оставить военную карьеру и подать в отставку из-за обвинений в коррупции. Чой был раздавлен. Он начал сильно выпивать, частенько жалуясь знакомым, будто ему не на что содержать семью, а иногда даже не на что купить пачку сигарет. Чтобы убить время, он начал играть с богачами в корейский покер «хвату», всегда оставляя за собой право на грубую силу в случае угроз или потасовки. Его жена старалась не обращать внимания на азартные игры и питала отвращение к его походам в кисэн-хаус. Корея вновь была в хаосе, как и жизнь Чоя. Несмотря на все его усилия и угрозы, только два зала использовали название «тхэ квон до». [101]

[101] Чой (с. 2000), т.1, стр. 478—87.

Однако Чой не сдавался и начал писать книгу о тхэквондо. После смерти основателя школы шотокан-карате Гичина Funакоши в 1957 году он ещё больше заимствовал у него идей и слов. Чой полагал, что улучшает карате. Он желал, чтобы Корея имела собственное боевое искусство, во всём превосходящее японское. Книга вышла через два года, и на некоторых страницах явно проступала вопиющая ложь автора. Например, он обвинил Японию в том, что она во время оккупации, до Второй мировой войны, взяла корейский тхэккён и переименовала его в карате. О краже японской терминологии не могло быть и речи, ведь Funакоши и сам всё «позаимствовал» из китайских боевых искусств: и «локоть», и «подушку стопы», и «заднюю поверхность пятки», и «ногу-меч». [102] [103]

Кроме этого книга Чоя включила в себя: «руку-меч», «четыре пальца руку-копьё», «два пальца руку-копьё», то есть всё, что в 1943 году появилось на страницах книги Funакоши «Карате-До Ньюмон». Для того чтобы укрепить кулак, Funкоши ввёл деревянную макивару. Чой в точности описал этот тренажёр для тхэквондо со всеми рекомендациями Funакоши, например, «вкопать её в землю на одну треть и обмотать другой конец верёвкой с рисовой соломой». [104]

В 1957-м миф Чоя звучал просто и потому правдиво: «Тае квон до – это древнее корейское боевое искусство». И уже более 60 лет это утверждение красуется на всех стенах спортивных залов и живет в умах людей. [105]

Будучи интересным рассказчиком, он много чего навыдумывал о воинах-хваранг из мифов 1500-летней давности. «Таэккёон был настолько эффективен, что в исторических документах того периода описаны мастера, перелетающие через высокие стены и атакующие врага с другой стороны», – рассказывал он. В другой раз он описывал мастеров боевых искусств, «способных нанести удар ногой в прыжке по потолку прямо из сидячего положения». [106]

Кроме плагиата, книга Чоя содержала и важные инновации. В их числе «теория мощности», основанная на физике и объясняющая, как человеческое тело может вырабатывать мощную энергию. Это было важно для Чоя, имевшего пять футов роста и сто фунтов веса. Основатель карате учил, что мощность выполняемого технического приёма складывается из трёх частей: вращения бёдер (чтобы вложить весь вес в удар), возврата реверсной руки на пояс и вращения кулака во время удара. Чой описал то же самое в 1960 году, добавив третий закон Ньютона, гласящий, что любое действие рождает силу противодействия. Это должно было объяснить, зачем оттягивать реверсную руку с силой, равной удару.

Позже Чой включил в свою теорию шесть слагаемых:

– сила противодействия (основанная на третьем законе Ньютона);

– концентрация (основанная на формуле: давление равно сила, делённая на площадь);

– баланс (необходимость сохранять центр тяжести);

– контроль дыхания;

– масса;

– скорость (самый главный фактор, содержащий все пять предыдущих).

Он использовал классическое уравнение в механике, чтобы объяснить взаимосвязь между массой, скоростью и силой. Занимающиеся боевыми искусствами всегда знали, как важно сконцентрировать всю силу мышц и выбросить её вместе с массой в одном техническом действии. Но Чой обратился к формуле $E = ½ m \times s2$, чтобы объяснить, почему очень быст-

[102] «Предисловие» Чоя (1960).

[103] Наряду с «передней стойкой», «задней стойкой» и «стойкой всадника». Funакоши (1988), стр. 53—61. Чой (1960).

[104] Сравнение Чоя (1960), стр. 73—75 с Funакоши (1988), стр. 53.

[105] См., например, Чой (1960).

[106] Цитаты о Хваранге в этом абзаце из Чоя (1960).

рый легковес может развить бльшую силу, чем пропорционально менее скоростной тяжеловес. Формула доказывает, что энергия движения (E) равна массе (m), делённой на два и умноженной на квадрат скорости (s). Таким образом, если вы удвоите массу тела, совершающего удар, то получите энергию или силу, возросшую на одно деление (половины массы). И если вы удвоите скорость вашего удара, то ваша сила возрастет во много раз больше, чем одно деление (скорость в квадрате). Короче, более быстрый легковес может развить большую силу, чем медленный, но мускулистый тяжеловес. **o**

Физика была важна как для тренировки, так и для человеческого самолюбия. Каждый боец всегда знал о массе и скорости на инстинктивном уровне, но Чой был гуру силы и наращивал её, где только мог. Подобно разбиванию досок, которое стало впечатляющим зрелищем в тхэквондо, Чой будто бы добавлял доски одну за другой. Вместе с одержимостью боевыми искусствами у него было неудержимое стремление получить военную и политическую власть. По этой причине он вскоре и вернулся в армию.

В 1959 году Чой вступил в должность командующего армейским корпусом и значительно продвинулся в деле развития тхэквондо. Он издал книгу, над которой работал в то трудное время, а в 1960 году после того, как опальный южнокорейский президент был изгнан на Гавайи, Чой издал новую редакцию своего труда «Введение в тхэквондо». Более того, два зала, находившиеся под его контролем – О До Кван и Чун До Кван – открыли новые филиалы под руководством своих лучших обладателей чёрных поясов. Эти инструкторы обучались в специальной академии, где, кроме всего прочего, их готовили произвести настоящий культурный шок в зарубежных залах.

Также в 1959 году Чой и лидеры других школ боевых искусств объединились под эгидой Корейской ассоциации тхэквондо (КТА). Позже эта организация будет замешана в бурной шпионской деятельности в США, но в том году она приумножила своё влияние на военную и гражданскую жизнь страны. Чой, будучи одним из создателей тхэквондо, заявил, что является единоличным основателем и активно работал локтями, чтобы стать президентом ассоциации. В то время многие большие люди бросали вызов маленькому Чою, и мало кто называл это боевое искусство «тхэквондо». [107]

Руководители Корейской ассоциации тхэквондо на встрече 1959 года при попытке объединить боевые искусства Кореи. Нижний ряд слева направо: Ки Хван (Му Дук Кван), Юн Квей Бьюн (владелец Джи До Квана), Чой Хон Хи (одетый в военную форму), Ро Бьюн Джик (Сон Му Кван), неизвестный представитель боевых искусств, Ли Ним Сук (Чан Му Кван), Юм Вун Кью (Чун До Кван) и Хьюн Джон Мьюн (представитель Чун и О До Кванов).

Верхний ряд слева направо: Ким Сун Бэ (Чан Му Кван), Ко Джа Чун (представитель Чун и О До Кванов), Нам Тэ Хи (Чун До Кван), Ли Хан Суп и неизвестный представитель. Фото предоставлено Генералом Чоем.

В 1961 году Чой и ещё несколько генералов выпивали в высококлассном кисэн-хаусе, расположенном в тренировочном лагере Нонсан в Дегуне. Они жаловались друг другу на положение, в котором оказалась Южная Корея после побега на Гавайи диктатора-президента. По их мнению, недавно прошедшие выборы ослабили правительство, привели к студенческим протестам и хаосу в стране. Демократия не радовала их, и было принято решение поддержать оппозиционных генералов, чтобы захватить власть в стране. [108]

[107] Ч. К. Чой (2007), с. 85, перечисляет участников.

[108] Интервью с Ч. К. Чоем.

3

5. Выход дракона и не только

16 мая 1961 года Чой участвовал в государственном перевороте против первого демократически избранного президента Южной Кореи. Операция началась в Сеуле в 3 часа ночи как бескровный лёгкий захват при поддержке США. Двенадцать часов спустя, когда Чой вместе с другими заговорщиками праздновали победу в Тэджуне, голос генерала звучал так, словно его распирало от собственного величия. Вдруг раздался телефонный звонок. Из Сеула звонил майор Нам Тэ Хи. [109]

– Как там? – сразу же спросил Чой.

– Всё не очень хорошо, сэр, – ответил Нам с дрожью в голосе.

– Что, чёрт возьми, у вас происходит? – заорал Чой.

– Прямо сейчас на площади перед штаб-квартирой армии собрались солдаты в полной боевой готовности, – объяснил Нам. [110]

Чой был в шоке. Как они полагали, штаб-квартиру возглавлял их генерал. А человек, который руководил госпереворотом, теперь был окружен, и это могло означать лишь одно – полный провал.

Позже Нам позвонил ещё раз и рассказал, что переворот не провалился, и военные таки захватили Сеул. Но генерал, который теперь возглавлял «революцию», был не их генералом! Это был мало кому известный генерал Пак Чон Хи. Чой остолбенел. Пак? Тот самый Пак, что сотрудничал с японцами во время Второй мировой войны? Тот, которого позже Чой хотел казнить за коммунистическую деятельность? Да, это был именно тот самый Пак.

Чой оказался в большой беде. Во время Второй мировой войны Пак специализировался на политических убийствах и репрессиях, и сегодня он оказался достаточно хитёр, чтобы во время переворота перехватить власть. Простил ли Пак его за ту несостоявшуюся казнь, что намечалась 13 лет назад? Для Чоя поддержка переворота выглядела такой же безрассудной авантюрой, как когда-то проигрыш в покер сбережений его матери.

Вскоре новоиспечённый диктатор генерал Пак Чон Хи возглавил зловещую «кампанию по очищению Южной Кореи». 4300 политическим деятелям он запретил заниматься политикой и в течение года после захвата власти арестовал почти 30000 своих противников. С помощью американского ЦРУ и Центрального Разведывательного Управления Кореи (ЦРУК) он создал террористическую сеть. Чой отказался обращаться к нему «достопочтенный президент Пак» и за спиной критиковал его. [111] [112]

В ходе госпереворота группа могущественных и жестоких людей помогла Паку получить власть. В течение следующих нескольких десятилетий эти люди назначат и будут использовать множество руководителей и инструкторов тхэквондо для своих шпионских операций. Одним из назначенцев был Ким Ун Ён. Это еще один Ким, который будет преследовать Чоя. После переворота бывший подполковник Ким работал на Пака и стал высокопоставленным агентом ЦРУК, известным как «Микки Ким». [113]

Ким, чью фамилию можно перевести как «золото», а имя как «облачный дракон», был рожден 19 марта 1931 года, в год Козы. Когда ему было три года, его отец работал журналистом в одной японской газете. Отец показывал своего сына премьер-министру провинции, одетому в форму, расшитую золотом. В то время, когда многие корейцы голодали, семья Кима была

---

[109] О перевороте в воспоминаниях Чоя (ок. 2000) т.1, стр. 567—86.

[110] Чой (ок. 2000 года), т. 1, стр. 567—86.

[111] Камингс (2005), стр. 355—56.

[112] Камингс (2003).

[113] Пак Чон Гю, Ким Чон Пил и Ким Хён Ук были одними из могущественных людей.

богата. В 1930-е годы ей принадлежала шахта, земля и здания в Сеуле и Тэгу. Несмотря на то, что и Ким, и Чой военные, они были абсолютно разными. Ким из аристократической семьи, элиты, сотрудничавшей с японцами, а Чой – выходец из бедноты, семьи крестьян, ненавидевшей тех, кто сотрудничал с оккупантами. [114]

Ким Ун Ён (в центре) с моим ITF инструктором Паком Чон Су (по левую руку) и моим WTF инструктором Ёном Ю Поном (по правую руку). Крайний слева Чон О, крайний справа Сон Мён Су. Фото предоставлено Паком

В 1961 году новая диктатура наняла Кима на должность ответственного секретаря, а вскоре его завербовали в ЦРУК. Это работало против Чоя и его тренеров, некоторые из которых также занимали руководящие должности в разведке. Началась нелицеприятная эра в истории тхэквондо. Мастера боевых искусств служили в филиалах ЦРУК, отвечая за убийства, похищения, саботаж, шпионскую деятельность в Корее и за рубежом. Служил на разведку и Нам Тай Хи с 1965-го по 1972-й.

Как-то директор Управления признал:

– В моем распоряжении были широкие полномочия, охватывающие все аспекты моей страны, больше власти, чем вы можете себе представить! [115]

В 1960-х влияние ЦРУК широко распространялась на экономическую, культурную, религиозную и спортивную деятельность, в том числе и тхэквондо. Ким работал «специалистом проекта по культурным мероприятиям» в посольстве Южной Кореи в Вашингтоне, округ Колумбия. Но в действительности он был разведчиком «Микки Кимом», руководившим операциями во многих странах, входивших в ООН. Ким прекрасно говорил по-английски, финансировал залы тхэквондо, проводил мероприятия в Англии и США, а также содействовал спецоперациям как минимум с 1963 по 1971 год. В целом миссии ЦРУК включали в себя давление на корейских американцев и подкуп американских политиков, не поддерживающих южнокорейскую диктатуру. [116]

1961 год. Генерал Чой (в военной форме, вдалеке слева) на вечеринке с Паком Чон Хи (в центре кадра, в штатском). Фото предоставлено Генералом Чоем.

Чой всё ещё имел власть, у него были свои связи в ЦРУК, он командовал ста тысячами военных в пяти дивизиях, участвовал во влиятельных кисэн-хаусах. Но пока такие люди, как Ким работали на правительство, он не чувствовал себя в безопасности. Южнокорейский диктатор нечасто посещал те же кисэн-хаусы, что и его генералы, и уж точно – не логово Чоя, потому что открыл свое заведение, называвшееся Ан-га и управлявшееся ЦРУК.

Осенью 1961 года некоторые руководители школ единоборств попросили президента помочь вновь возродить боевые искусства в Южной Корее. Он согласился, разрешив сменить название «Корейская ассоциация тхэквондо» на «Корейская ассоциация тан су до», фактически убив тхэквондо всего после пары лет существования. Аббревиатура по-прежнему оставалась та же (КТА), как и состав школ, в неё входящих. [117] [118]

---

[114] Ким (2002), стр. 219, 227. Ким (1990), с. 295. Подробности в этом разделе взяты из его книг 2002 и 1990 годов.

[115] Директор ЦРУК Ким Хён Ук служил с 1963 по 1969 год. См. стр. 6 слушаний Палаты представителей США о Кореягейте под названием «Расследование корейско-американских отношений», часть 1 (22 июня 1977 г.).

[116] Многие источники подтверждали, что Ким Ун Ён работал в ЦРУК, включая расследование Палаты представителей США относительно Кореягейта в 1960-х и 1970-х годах: «Расследование корейско-американских отношений» – доклад подкомитета по международным организациям (стр. 76, 356—57); «Показания Пака Бо Хи, специального помощника преподобного Муна Сон Мёна и президента Корейского фонда культуры и свободы» в расследовании корейско-американских отношений, часть 4 (стр. 176—78); дополнение к части 4 того же расследования (стр. 11, 271, 672), в которой Ким указан как находящийся в «Корейской секретной службе» и «сотрудник ЦРУК»;и статья 1975 года, в которой Ким упоминается как один из «агентов корейского ЦРУ», в «Деятельности Центрального разведывательного управления Кореи в США», часть II (стр. 63—64). Другие источники о Киме в ЦРУК:а) Дженнингс (2000), с. 187, Симсон и Дженнингс (1992), стр. 139—40;б) интервью Чоя Хон Хи (13 апреля 2001 года);в) интервью Джуна Ри (16 января 2008);Ким (1990 год), стр. 295, Ким (2002 год), стр. 151, 164.

[117] Бердик (1997), стр. 41. Кан и Ли (1999), стр. 21.

[118] Будущие олимпийские лидеры тхэквондо, такие как Ом Вун Гу, Ли Чон У и Хён Ён Мён не поддержали тхэквондо

Личная вражда между Чоем и президентом усиливалась. Когда Ким находился в США, президент избавился от Чоя, назначив его послом в Малайзии. Это назначение, может, кому-то и казалось вполне удачным, но для Чоя нахождение вдали от Южной Кореи было мучением. Впрочем, стать послом для него – всё равно, что быть лисой в курятнике.

Чтобы «отпраздновать» назначение Чоя, диктатор устроил прощальный ужин в лучшем корейском ресторане. В какой-то момент он сел рядом с новоиспечённым послом.

– Мне грустно, генерал Чой … – начал он говорить, наполняя рюмку Чоя.

– Грустить не о чем, – перебив его, покривил душой собеседник. – Мне жаль, что вы будете окружены коррумпированными советниками после того, как я, всегда дававший вам честные советы, покину вас. [119]

Вскоре президент ушёл, а Чой остался сидеть, размышляя о китайских афоризмах, покрытых пылью веков, таких как: «Заплати злому человеку добрым поступком». Мог ли Чой проявить такую добродетель? К сожалению, нет. Горечь гордыни и месть отравляли то хорошее, что было в нём.

После того ужина Чой и Нам Тэ Хи попрощались друг с другом. Они проработали вместе десять лет, обучая корейских солдат и изо всех сил пытаясь создать новое боевое искусство. В 1962 году Чой вылетел в Малайзию как чрезвычайный и полномочный посол. А Нам отправился на Вьетнамскую войну, где учил солдат делать то, что он делал на вершине горы во время Корейской войны – убивать коммунистов голыми руками. [120]

Чоя и Нама в первые годы КТА.

[119] Чой (ок. 2000 года), статья 2, стр. 18.

[120] Интервью, Нам (декабрь 2001 года).

***

После того как Чой и его семья поселились в Малайзии, он стал ещё больше одержим тхэквондо, обустроив для себя открытый тренажерный зал прямо во дворе дипломатического представительства. Его совершенно не заботило, что кто-то мог подумать о после, как о странном человеке, скачущим повсюду, словно деревенский парень. Он ненавидел служебные обязанности посла, особенно официальные мероприятия. На обедах его расстраивало, когда он по ошибке съедал чей-нибудь хлеб или появлялся в цилиндре и смокинге во время неформальных вечеров.

В 1962 году Чой сократил свои обязанности посла и посвятил больше времени переводу собственной книги с корейского на английский, привлекая к этой работе машинисток дипломатического представительства. Во время официальных мероприятий он при любой возможности говорил о тхэквондо. А каждый свободный час создавал новые танцевальные движения: хъенги или тули, изображающие приёмы. Один из корейских советников посольства втайне написал на Чоя донос в ЦРУК о злоупотреблении служебным положением. [121]

Несколько месяцев спустя Чой обнаружил на своем столе белый конверт с письмом от старшего брата, от которого долгих пятнадцать лет не получал известий. Чой полагал, что тот умер в Северной Корее, но теперь испытал восторг и одновременно страх. Был ли это почерк брата или кто-то его умело подделал, чтобы склонить посла на сторону коммунизма? Технически Северная и Южная Кореи по-прежнему находились в состоянии войны, а тайные операции заменили военные действия. Любой контакт с северокорейцем, даже членом семьи, был преступлением, наказуемым в Южной Корее смертью. Испуганный тем, что кто-то может сообщить в ЦРУК, Чой быстро прочитал письмо и немедленно порвал его.

Вскоре он встретил человека, доставившего конверт в посольство, а также получил другое письмо и фотографию своего брата. Так начались преступные отношения посла Чоя с Северной Кореей: он стал общаться с северокорейцами. Письма брата Чой отослал матери,

[121] Чой (ок. 2000 года), т. 2, стр. 27 и 36. Подробности в этом разделе – из книг и интервью Чоя Хон Хи с Ч. К. Чоем, Намом Тэ Хи, Чоем Джун Хва, Мён Коломвакос и Санни Чоем.

жившей с его первой женой и дочерью в Южной Корее. Когда мать увидела фотографию старшего сына, она много дней плакала, потому что не видела его со Второй мировой войны. Через год после этого она умерла, а Чой, застрявший в Малайзии, не смог даже приехать на похороны. Его опустошали и преследовали воспоминания о матери, брате и детстве, проведенном в Северной Корее.

И вновь Чой сбежал в свое боевое искусство. С 1962-го по 1964-й он занимался учреждением федераций тхэквондо в Малайзии и Сингапуре. К слову, после Кореи и Вьетнама это были третья и четвертая организации в мире. Он закончил создание большинства формальных комплексов – вторую главную инновацию своего боевого искусства. Его первым нововведением была теория силы, описанная в конце 1950-х. Чой до сих пор использовал ката, и от этого тхэквондо выглядело как корейское карате. С помощью некоторых своих инструкторов, «пионеров тхэквондо», он создал двадцать четыре комплекса. Чой относился к спортсменам как к приёмным сыновьям, и никто из них не знал, что он общался с врагами из Северной Кореи. Он придумывал одни и крал другие техники для своего тхэквондо, а инструкторы превращали их в реальность. [122]

Чан Кын (Ч.К.) Чой показывает удар в прыжке. Он был одним из пионеров, развивавших тхэквондо в начале 1960-х. Фото предоставлено Ч. К. Чоем.

– Он писал движения, и мы оттачивали их физически до тех пор, пока они не начинали выглядеть хорошо, – вспоминал однофамилец генерала, один из «пионеров тхэквондо» Ч. К. Чой. [123]

Посол Чой назвал собрание из двадцати четырех формальных комплексов «Чан Хон». Это был его псевдоним, используемый также для каллиграфии и книг. Чой сказал, что остановился на числе двадцать четыре, символизирующем количество часов в сутках и отражающем быстротечность короткой земной жизни. [124]

В 1964 году он ещё полагал, что его время на этом свете будет коротким. Однако внезапно Чой покинул Малайзию. Его обвинили в растрате, а возвращение в Корею стало настоящим шоком для руководителей школ боевых искусств, надеявшихся, что они навсегда отделались от названия «тхэквондо». Чой собрал своих учеников из О До Квана и Чун До Квана для новой миссии: продвигать тхэквондо и нарабатывать материал для новой книги. Вместе они меняли технику рук карате, вводили больше уклонов и экспериментировали с ударами в прыжках.

К примеру, Пак Чон Су, незадолго до описываемых событий выигравший национальный чемпионат в Корее по спарингу, рассказал Чою о приёме, который любил использовать: круговом ударе с разворота. После этого Чой заставил демонстрировать его этот удар по крайней мере тысячу раз в течение недели. В тхэквондо уже был «круговой», перешедший сюда из карате, но для удара Пака требовалось ещё и вращение на 180 градусов. Поэтому Чой добавил термин «с разворота» к термину карате «круговой удар». Это не было чем-то новым, ведь подобное разработал ещё наставник Пака – Ву Чон Лим, начинавший применять многие разворотные удары тхэквондо в 50-х годах прошлого века. Однако такие спортсмены, как Пак, применяли техники во время соревнований, не боясь рисковать наносить удары руками и ногами не только в прыжках, но и с разворотом на 180 градусов. [125] [126]

---

[122] В 1950-х годах Нам Тэ Хи разработал первые два формальных комплекса тхэквондо, Хва Ранг и Чун Му, оба названные в честь воинов (Чой [ок. 2000], т.1, с. 428). Пару лет спустя Хан Ча Гё создал формальный комплекс Юл Джи, который назван в честь корейского генерала, жившего 1400 лет назад. В 1961 Ч. К. Чой, который вскоре станет первым чемпионом Кореи по спарингу, помог создать четвертый комплекс, Гэ Бэк, названный в честь строгого генерала, жившего 1500 лет назад. (Ч. К. Чой [2007], с. 81). В Малайзии посол Чой нанял Кима Бок Мана и У Джэ Лима для помощи в создании шестнадцати из двадцати четырех комплексов. Последние четыре из двадцати четырех последуют в 1966 году. Полный список пионеров, развивавших тхэквондо в 1950-х и 1960-х годах, см. в главе «Ранняя история» Ч. К. Чой (2007).

[123] Интервью Ч. К. Чоя (31 октября 2007).

[124] Чой Хон Хи (ок. 2000 года), т. 2, стр. 52.

[125] Интервью Пака (2002) и Чоя (2001).

Чой соединил четыре фото в одно, чтобы показать удар с разворота в исполнении Пака Чон Су. Фото предоставлено Генералом Чоем.

Чой был мастером по переименованию старых техник, блестяще организовывал и подталкивал своих спортсменов к выполнению почти невозможного, а также умел объяснять и называть движения. Пак рассказывал, что Чоя часто посещали смелые идеи относительно названий. Например, «сидячая позиция» (аннун соги) пришла из циркового представления, увиденного в Ливане, когда клоун остался сидеть после того, как кто-то убрал из под него стул. Чой давно хотел переименовать шаговую стойку карате и вдруг в Западной Германии увидел светофор с нарисованным на нём пешеходным символом – в голову сразу пришло название «гуннун соги». Чой всячески избегал названий животных для тхэквондо, и поэтому здесь нет «стойки лошади» или «стойки кошки», «крадущихся тигров» или «драконов». Он был одержим развитием боевого искусства на основе научных принципов биомеханики. Вместо, допустим, «стойки лошади» была «сидячая стойка» (аннун соги), а «позиция кошки именовалась стойкой на «задней ноге» (двит баль соги). При этом тигры оставались тиграми, а драконы претендовали лишь на участие в китайских праздниках. [127]

[126] Интервью Ч. К. Чоя (31 октября 2007 года).

[127] Чой (ок. 2000 года), т. 2, стр. 255.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.